

УР 2
1788

Л. ПУДАЛОВА

*Чувство
своего мира*

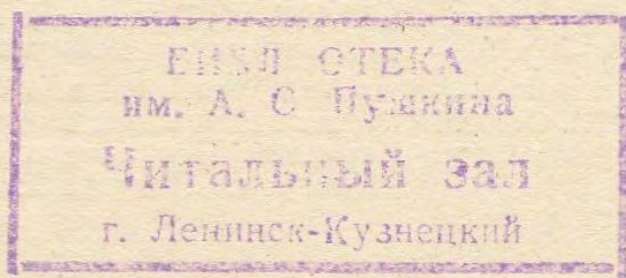

Л. Пудалова

892
1788

Чувство своего мира

О лирике
Василия Федорова

Кемерово
Кемеровское книжное издательство
1979

ИБ № 322

Любовь Антоновна Пудалова
ЧУВСТВО СВОЕГО МИРА

О лирике Василия Федорова

Фото В. Д. Федорова выполнено В. Грызыхиным

Редактор Т. И. Махалова. Художник В. С. Кравчук. Художественный редактор А. С. Ротовский. Технический редактор Г. В. Адова. Корректор Г. В. Ильинская.

Сдано в набор 28.IX.1978 г. Подписано к печати 1.II.1979 г. Формат 70×90¹/₃₂. Гарнитура академическая. Печать высокая. Бумага типографская № 3. Усл.-печ. л. 4,39. Уч.-изд. л. 4,83. Тираж 4000. ОП00205. Заказ 14521. Цена 20 коп. Кемеровское книжное издательство. Кемерово, Ноградская, 5. Полиграфкомбинат. Кемерово, Ноградская, 5.

П $\frac{70202-16}{M145(03)-79}$ 27-79

94196

© Кемеровское книжное издательство, 1979

Если передо мной только одно стихотворение, написанное с чувством своего мира, я уже могу судить о поэте, оценивать его, как по обломкам какой-нибудь статуи мы оцениваем культуру минувших цивилизаций.

В. Федоров

*В. Д. ФЕДОРОВ В МАРЬЕВКЕ
ЛЕТОМ 1978 ГОДА*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Творчество советского поэта Василия Дмитриевича Федорова широко известно в нашей стране и за рубежом.

Первая книга его стихов, «Лирическая трилогия», вышла еще в 1947 году. Потом было много поэтических сборников. Полюбились читателю и поэмы В. Федорова. Две книги его — «Третьи петухи» и «Седьмое небо» — удостоены Государственной премии РСФСР имени М. Горького.

Работа Л. Пудаловой посвящена лирике поэта. Вынесенные в эпиграф ко всей книге и в ее название слова В. Федорова: «Если передо мной только одно стихотворение, написанное с чувством своего мира, я уже могу судить о поэте, оценивать его, как по обломкам какой-нибудь статуи мы оцениваем культуру минувших цивилизаций» — оправдано всем развитием исследуемой темы; мы убеждаемся в существовании такой своеобразной лирики, которая входит в новое ощущение окружающего нас мира и знакомит нас с новым поэтическим голосом.

Поэт дополняет наше представление открытиями своего поэтического проникновения в суть вещей. Сибиряк по происхождению, Федоров является поэтом, для которого природа и история родной зем-

ли звучат во всех своих проявлениях. Он не только слагает гимны природе родного края, но и высоко чтит труд Человека, который живет и трудится во славу нашей матери и кормилицы — родной земли. Земля полна для него неиссякаемой творящей силы, и болью отражаются в душе поэта нанесение ей всякого ущерба, всякое пренебрежение к ее вечным законам, направленным к счастью человеческого рода, его процветанию. Поэт встает против всех бед, угрожающих земле, «за красоту времен грядущих». Потому-то его лирический герой — это хозяин нового, социалистического общества, человек-борец, одновременно крепко связанный с вековой традицией национальной культуры, которая укрепляла народную силу и сегодня пополнилась новым содержанием, передовыми идеями века для пользы всех трудящихся. Потому-то наивысший пафос поэзии Василия Федорова — борьба за сердца людей: «Все испытал, мы знаем сами, что в дни психических атак сердца, не занятые нами, не мешкая, займет наш враг».

Поэт выводит свой стих на высоты гражданственности, наполняет его высоким гуманным содержанием, сообщая своему голосу лирика горячий призыв агитатора за будущее свободного человечества.

Одна из главных тем поэзии В. Федорова — тема Красоты. Красота живет и в нас и вокруг нас. Она живет в нас воспоминаниями о неповторимой красоте мира, воспетой мастерами искусств и философии; а вокруг нас — и в прекрасной неповторимости природы, и в труде — крестьянина, рабочего, служителя искусств, поэта в особенности, и в добрых человеческих отношениях. Поэт исследует эту тему во всей ее сложности и национальном преломлении. Пронзительно остро звучат

в нашей русской душе его строки из поэмы «Проданная Венера»: «За красоту людей живущих, за красоту времен грядущих мы заплатили красотой». Автор писал: «Признание этих строк сопровождалось признанием всей моей поэтической концепции, выраженной в «Проданной Венере». При этом критика заметила, что поэма родилась не на пустом месте, она логическое развитие всего того, что было сделано мной до этой поэмы, что тема красоты — «моя» тема».

Автор книги о лирике поэта подробно прослеживает, как складывалось его особое отношение ко всему окружающему, как крепко связан он «с деревней, с трудом землепашца» и в своем мироощущении имеет особую приверженность к гражданской лирике. В книге исследуются истоки поэзии Федорова, его соприкосновение с историей, с наследием национальной культуры, с фольклором, делается попытка обозначить особое обстоятельство, по которому можно неограниченно воспринимать его так называемую «деревенскую» лирику

Да, поэт удивился открывшемуся ему с детства неожиданному миру, и когда окреп его поэтический дар, он начал называть явления этого мира, продолжавшего его изумлять, своими словами, за красотами Земли начала открываться красота живущего в этом мире Человека.

Поэт открыл, что этот Человек — не одинок. Люди, смелые, восторженные, созданные для подвигов и страстей, не были только в легендах и песнях, в памяти народной. Поэт увидел их во весь рост на любимой родной земле и восхитился их борьбе за свободу, за лучшее, за счастье человечества. Творчество поэта не остановилось на найденном. Он все время находится в поисках новых тем, новых изобразительных форм, чему свидетельство

его новые миниатюры, терцины, его новая ироническая поэма «Женитьба Дон-Жуана».

В истории изучения современной литературы книга Л. А. Пудаловой «Чувство своего мира», написанная об одном из талантливейших поэтов нашего времени, является свидетельством вдумчивого исследования современной поэзии. Нужная, полезная и добрая книга эта, думается, будет интересна нашим читателям.

Николай Тихонов

Что должен я исполнить на земле...

В. Федоров

«Как поэт я родился из чувства социальной новизны, которым в огромной мере обладало старшее поколение», — так говорит о себе русский советский поэт, лауреат Государственной премии РСФСР Василий Дмитриевич Федоров.

Первые годы строительства социализма в Сибири определили творческое лицо этого художника, год рождения которого — 1918, место рождения — город Кемерово. Детство его прошло в Кузбассе, в селе Марьевке. «...Село! Я сын твоих полей, мне мил простор твоих зеленых пашен», — неоднократно варьируя эту мысль, пишет В. Федоров.

Сыновью любовь к родному селу Василий Федоров сохранил навсегда. И с годами она заявляет о себе все более настойчиво. Недаром, когда поэт перешел свой пятидесятилетний рубеж, он стал каждое лето приезжать в Марьевку.

Мне доводилось бывать в Спасском-Лутовинове, Ясной Поляне, Михайловском. Скромная Марьевка в живописности не уступает этим дорогим для каждого человека прославленным местам. Только окрашена она особым сибирским колоритом.

Скромное, хотя и добротное федоровское строение возвышается на не раз воспетой поэтом На-

заркиной горе, обдуваемой со всех сторон ветрами, напористыми, но в летнюю пору ласковыми.

Просторный двор перед домом руками хозяина засажен цветами и деревьями. Выращивать деревья — любимое его дело. Недаром в его автобиографической книге «О себе и близких» есть такие слова: «Посадить и вырастить дерево — для меня не меньше, чем написать хорошее стихотворение или поэму. Во Владимирской области, где мы жили около восьми лет, после нас остался взрослый фруктовый сад, под Москвой уже высоко поднялся сибирский кедр, в Марьевке, где интерес к живому дереву по традиции еще слаб, я сделал попытку озеленить пустырь» (1)*.

Дом весь обращен к долине речки Яя, извилистой, «говорливой» и «золотобокой». От свежих бревен дома веет лесом. Внутри он тоже лесной и таежный. Неистребимый дух тайги поддерживает в нем кедровая дранка, которой обшиты стены и потолок. Двери дома выходят на село, как бы гостеприимно приглашая земляков.

К их жизни поэт не может оставаться равнодушным. Не случайно в беседе со мной, которая проходила в марьевском доме, Василий Дмитриевич высказал досаду по поводу старого клуба и с грустью процитировал одну из своих ироничных замет:

Картина не типичная,
Но облик постоянный:
Коровники кирпичные,
А клубик
Деревянный.

---

* Цифра в скобках означает порядковый номер, под которым цитируемый источник помещен в конце книги в списке литературы.

Марьевский совхоз занимает не последнее место среди сельских хозяйств Кемеровской области. Областная газета «Кузбасс» время от времени публикует материалы о добрых трудовых делах марьевцев. Нередко хорошим словом вспоминают их и на страницах районной Яйской газеты «Вперед к коммунизму». Однако работа в области культуры пока еще отстает.

Поэт пылливо расспрашивал меня о специалистах, оканчивающих институты культуры. И видно было, как глубоко заинтересован он в культурном росте сельских жителей.

Внимателен Василий Дмитриевич к молодежи, школьникам. С тех пор как стал поэт летом жить в Марьевке, бывал он на торжественных актах вручения аттестатов зрелости выпускникам школы. Поэт выступает перед учащимися со своими стихами, рассказывает о первых марьевских комсомольцах. За последние годы возрос интерес марьевской молодежи к поэзии. Пример тому — ежегодный конкурс на лучшего чтеца стихотворений Василия Федорова; в пионерской дружине — сбор на тему «Красота марьевской природы и как ее видит наш земляк Василий Федоров».

Марьевской школьнице, шестикласснице Липецкой Тане, утонувшей в реке, посвящает Федоров щемящие сердце строки в поэме «Женитьба Дон-Жуана»:

Ах, Таня, Таня!
Мне бы жизнь воспеть,
А не твою бессмысленную смерть.
Найти ей оправданье просто негде.
Помощница, телят не допасла,
Не доучилась и не доросла
До счастья жизни и ее трагедий...

Интересные мысли о судьбе молодых людей села высказал В. Д. Федоров в письме ко мне: «Прошлой весной я присутствовал на выпускном вечере марьевской средней школы. Все было хорошо и для преподавателей, и выпускников. Их было семнадцать человек, девушек и ребят. Многим из них, как я помню, были вручены путевки в институты. У них были надежды. На днях узнал, что из всех семнадцати ребят и девчат в институт поступила одна марьевская девушка — в Кемеровский педагогический. Видимо, такое происходит не только с марьевцами, а повсеместно — с выпускниками многих сельских школ, где уровень преподавания, возможно, низкий. Что греха таить, наши деревенские школы еще куда ниже городских. От этого уровня страдают в первую очередь ребята, которые потом оказываются на отшибе новых знаний. Пишу это Вам не в порядке общих рассуждений, а для конкретного случая. Встретился с отцом той девушки, которая поступила в Кемеровский педагогический. Ее приняли, но общежития не предоставили. Он был там, они нашли что-то временное. Есть опасность, что девчонка помыкается по углам и тоже вернется в Марьевку. Не хотелось бы, чтобы Марьевка моя оставалась непросвещенной, чтобы ее молодые люди были заранее обречены на какой-то определенный уровень» (2 сентября, 1972 г.).

Отрадно заметить, что новую свою замечательную поэму о Дон-Жуане поэт писал в нашем краю:

Все это
О Жуановой супруге
Я в Марьевке пишу, а не на юге,
На той пишу Назаркиной горе,

С которой видно, как, углы меняя,
Бывает своенравной речка Яя
В дождливой предуборочной поре...

Встречи в доме на Назаркиной горе запомнились чрезвычайным немногословием строгого хозяина. Немногословность сначала смутила, но от неловкости спасла услужливая память: вспомнились слова из книги самого В. Федорова «О себе и близких» о том, как упрекала его мать за то, что он с детства был неразговорчивым: «Кешка с полей приедет, больше расскажет, — жаловалась она, — а Васька приедет из города и молчит». В детстве у меня был период, когда я от слов перешел к знакам: нужен за едой хлеб, покажу — и весь разговор. А слова во мне были, играли меж собой, но мне казалось, что, если я их произнесу, они от меня уйдут и не вернуться» (1).

Предельно сдержанно и коротко Василий Дмитриевич все же поведал мне, как важна для его творческого самочувствия атмосфера жизни родного села. Вопросы о творчестве вежливо отклонял. Задумчивое молчание заключало подтекст, который отливался для меня в слова, опубликованные Федоровым в одной из его литературно-критических статей: «Мне больше нравится свидетельство стихов...» (1).

Биографический опыт поэта лучше всего постигается через стихи — вот какое убеждение вынесла я из бесед с В. Д. Федоровым.

«Девятым мать меня на поле родила», — пишет поэт.

Вспоминается детство...
Пятистенной избы
Вековой полумрак...

Яркое воспоминание детских лет — спасительница от нужды и голода, почти член семьи, «добрая корова по имени Клашка»:

Она не паслась,
А всегда трудилась,
Она в родной
Луговой обширности
Траву выбирала
Для нас,
Стремилась
Дать молоко
Повышенной жирности.

Это стихотворение о корове Клашке, согретое незабываемыми впечатлениями детства, поэт Дмитрий Ковалев назвал «радостным, вольным по дыханию, улыбочивым», от широты которого «раздольно дышится, светло видится» (2)

Семья Федоровых, в том числе и будущий поэт, трудилась в деревне: все были неутомимыми хлеборобами и общественниками. В своей книге «О себе и близких» Василий Федоров написал: «Наша семья дала восемь коммунистов. Подраставшие включались в политическую жизнь активно. Так, секретарями комсомольской организации в Марьевке последовательно перебивали все старшие братья и сестры. Был комсоргом колхоза и я. Слышал, как мама пошутила. «У нас беспартийные — я да кошка» (1)

Живописное западносибирское село на берегу речки Яя стало его поэтической колыбелью. Здесь он рос в большой крестьянской семье, «по-детски мало нежась»:

И кто бы ни расспрашивал,
Я часто отвечал:
— Жил бедно.

Все донашивал
Со старшего плеча.
По слову
Жизнь мне давшего
В торжественной ночи,
Вот так от брата старшего,
Меня не увидавшего,
Я имя получил.

К крестьянскому мальчику с добрым именем
Василий в деревенском его детстве впервые
явилась Муза:

...рожь, стоявшую стеною,
Раздвинула еще незримо.
И наклонилась надо мною,
С тоскою глядя, ворожила...
Меня в мое девятилетье
На чуткость испытать решила —
И чуткий,
Я ее приметил...

Великая Октябрьская революция принесла в деревню большие перемены. Это не могло пройти бесследно для мальчика, которого «на чуткость испытать решила» Муза.

Для формирования поэта немалое значение имели раннее приобщение к фольклору и рано пробудившаяся страсть к книгам.

Человек, познакомивший будущего поэта с фольклором как «началом искусства слова» (М. Горький), была его мать — Ульяна Наумовна Федорова. Василий Федоров пишет: «...ее влияние на меня в смысле поэзии было большим. У нее был хороший голос, а память хранила множество народных песен, даже таких, которых не смог потом найти ни в одном из песенников, ни в одном из фольклорных сборников... Напевая свадебно-обрядовую песню, она вставляла в нее мое имя.

По сенюшкам Авдотьюшка гуляла,
По новеньким Авдотьюшка ходила,
Из кармашика орешика челкала
И в оконушко шелушицу бросала,
В Васильевы кудри попадала,
Димитричевы кудри воспетляла,
Чтобы, чтобы Васильюшка оглянулся
И своей красавице восмехнулся...»

С книгами знакомили братья: «Братьям же, Петру и Андрею, я обязан ранним знакомством с настоящей литературой: с Пушкиным, Лермонтовым, Байроном, Купером, Лонгфелло. Ставшие вскоре комсомольцами, а потом партийными работниками, призванными в города, они торопились восполнить недостаток образования. Если в разговоре с ними какой-нибудь эрудит называл неизвестного писателя, поэта, они по-крестьянски старались не подать вида, что не знают их, зато в тот же вечер шли в библиотеку. В отпуск братья приезжали с тюками книг, которые потом оседали в нашем доме» (1).

Жизнь сибирского села в годы социалистического преобразования, народная и книжная культура формировали творческое поведение будущего поэта, выкристаллизовывали его личность.

Так рос в своей Марьевке поэт — «дитя земли и революции», в которого, по словам его Музы, «все радости земные одною радостью вольются».

«Детству и отрочеству,— пишет Василий Федоров,— я обязан многими впечатлениями, которые в моей жизни имели потом большое значение. Впрочем, такого понятия, как отрочество, у нас в деревне вовсе не было. Из детства мы, деревенские мальчишки, перескакивали прямо в юность. А до скачка успевали пройти добрую

школу труда. Мне довелось боронить, пахать, вить веревки, работать колхозным водовозом, учетчиком МТФ, младшим счетоводом, кассиром колхоза, помощником бригадира и даже... золотоискателем» (1).

А после Марьевки перед молодым крестьянским парнем «во всю длину и ширь распахнулась милым краем страна со странным именем — Сибирь».

В 1932 году будущий поэт, окончив шесть классов школы колхозной молодежи, решил поступить в Томский железнодорожный техникум. Его не приняли из-за того, что ему не хватало почти четырех лет — «мое детское сердце подвело меня. При медосмотре обнаружилось, что оно стучало чаще, чем ему полагалось по справке», которую по большой просьбе дали в сельсовете.

А в 1936 году Василий Федоров уже окончил Новосибирский авиатехникум и был отправлен на большой завод в Иркутске.

Иркутск явился немаловажной страницей сибирской биографии Федорова.

Давний интерес к Василию Федорову привел меня в иркутский дом Василия Пантелеймоновича Стародумова, журналиста, прозаика, графика. Он многие годы был ответственным секретарем многотиражной газеты того завода, на котором Василий Федоров около восьми лет работал мастером, старшим мастером, технологом-экспериментатором (1936—1943 годы).

Стародумов — советский интеллигент в первом поколении, до самозабвения влюбленный в литературу и искусство. В его небольшой квартире уютно разместились любовно подобранные книги, помеченные экслибрисами, которые он создал сам. Его литературные сказки не раз

публиковались на страницах сибирской периодики. Опубликованы и некоторые его графические работы (у меня хранится второй номер журнала «Байкал» за 1968 год, на первой странице обложки которого помещена линогравюра В. Стародумова «Байкал перед штормом»).

О Василии Федорове Василий Пантелеймонович говорит с большой любовью. Он считает, что многие ныне популярные произведения поэта («Трудовая книжка», «Байкал», «Мне о том слагать бы оды...» и другие) своим появлением на свет обязаны «второму» Иркутску конца 30-х — начала грозных 40-х годов. Широко известная сейчас поэма «Седьмое небо», по словам Стародумова, пропитана воздухом иркутского завода, в цехах которого будущий поэт проходил новый (после Марьевки и авиатехникума) этап гражданского, нравственного и творческого становления. Друзья той поры стали друзьями навсегда. Василий Пантелеймонович говорил, что переписка его с Василием Дмитриевичем продолжается не один десяток лет.

В книге «О себе и близких» Федоров не забыл упомянуть об иркутянах: «Мастерская, где я работал старшим мастером, стояла на отшибе заводского двора. В нее стали наведываться сотрудники многотиражки — Василий Стародумов и Денис Цветков. Они приходили сначала к литейщику Алексею Куделькину, писавшему стихи и помещавшему их в многотиражке. Узнав, что я грешу стихами, они насели и на меня, заташили в свое литобъединение. Кроме стихов, по их заказу я начал писать для газеты очерки о рабочих своей мастерской. Однажды, к моему удивлению, меня начали поздравлять с напечатанными стихами. Потом оказалось, что Денис

Цветков отнес их в областную комсомольскую газету, где поэзией занимался поэт Иннокентий Луговской, который и напечатал стихотворение «К матери» (1).

Василий Федоров относится к этой публикации очень скептически. «Я,— сказал он мне,— никогда не включал это стихотворение ни в один из своих поэтических сборников, потому что не считаю его профессиональным».

Как профессиональный литератор Федоров заявил о себе в Новосибирске, куда он переехал из Иркутска. Пришел в новосибирскую писательскую среду в военном 1943 году из цехов новосибирского авиазавода. Вспоминая те времена, поэт пишет: «Первые два года с некоторых заводов на фронт никого не брали. Особенно там ценили кадровых рабочих и специалистов. Но когда началось формирование сибирских дивизий, все коммунисты и комсомольцы завода подали заявления. Подал и я. В этот первый набор, мне помнится, с завода никого не призвали. Потом, когда эти дивизии нужно было пополнять, всякий раз мы писали заявления. И всякий раз из цеха или совсем не брали, или брали одного-двух» (1). И хотя он рвался на фронт, его оставляли в тылу Будущий поэт, как и весь коллектив авиационного завода, героически трудился во имя победы над врагом. Теперь известно, что в успешных боях на Курской дуге летом сорок третьего года немалую роль сыграл тот факт, что по самолетам Советский Союз в то время превосходил немцев в три раза. И была в этом лепта выпускника авиационного техникума, технолога самолетостроения Василия Федорова.

Атмосфера первых писательских лет для

В. Федорова была благотворной. Он сам признается: «Совсем недавно один поэт, вспоминая нашу сибирскую жизнь, сказал почти с укором: «Там тебя любили». Это правда. И это главное и устойчивое в отношении ко мне. Огорчения забылись. Осталось чувство благодарности ко многим и в первую очередь к Савве Елизаровичу» (1). Савва Кожевников — один из добрых наставников поэта, «пожизненно прописанных» в его сердце.

В ту пору В. Федоров начал печататься в журнале «Сибирские огни». Небольшой цикл его стихов вошел в коллективный сборник «Родина», изданный в Новосибирске в 1944 году. В этом же городе в 1947 году увидела свет первая книга В. Федорова «Лирическая трилогия».

Из Новосибирска уехал он в Москву, в Литературный институт имени М. Горького.

Путь Федорова в литературу не был легким. Достаточно сказать, что вторая книга его стихов, «Лесные родники», смогла увидеть свет только лишь через восемь лет после первой — в 1955 году. В том же, 1955 году, вышли «Марьевские звезды», в 1958 — «Дикий мед» и «Белая роща».

Не сразу, а с некоторым опозданием общесоюзная пресса в целом дала высокую оценку новому самобытному поэту.

С какой осторожностью, как робко критика шла к признанию Василия Федорова, свидетельствует рецензия Вл. Любовцева на книги «Белая роща» (М., «Молодая гвардия», 1958) и «Дикий мед» (М., «Сов. писатель», 1958), в которой, несмотря на малую площадь, отведенную ей, помещено следующее довольно пространное рассуждение: «У критиков уже сложи-

лась такая тенденция: если пишешь о молодых или недостаточно широко известных писателях, надо избегать сильных определений, выражая свое удовлетворение с английской сдержанностью. Ну, можно, к примеру, сказать, что автор «одаренный», «талантливый», «интересный», «обещающий» и т. п. Но, боже упаси, назвать стихи неклассика изумительными, замечательными, чарующими или восхитительными! Хорошо еще, если на Вас будут смотреть как на старомодного чудака, решившего возродить сегодня эмоциональность «неистового Виссарiona» в критике. Пускай я рискую показаться старомодным, но я чувствую на себе, как пленяет и чарует (выделено Вл. Любовцевым) стих Василия Федорова. Льющийся свободно и естественно, он покоряет своей лиричностью, гибкостью, выразительностью, тонкой поэтической выделкой» (3) Для того, чтобы сказать пять положительных эпитетов в адрес поэта, рецензенту потребовалось пятьдесят слов для оговорки...

Не сразу признав поэтический талант Федорова, критики долго и настойчиво говорили об учителях и предшественниках поэта, которые якобы держат его в плену Любопытно в этой связи замечание старого поэта — сибиряка Ильи Мухачева, который однажды не выдержал и на одном из обсуждений воскликнул: «Что вы, братцы, порох зря переводите?! Конечно, есть у Василия учителя. Даже комар — и тот родителей имеет, — а поэту они тем более нужны. Он — человек, сибирской землей нашей рожденный, ею вскормленный и российской литературой воспитанный. А вы заладили — истоки, истоки!.. Когда по большой реке плывешь, мень-

ше всего думаешь о том, откуда она начало берет да какие притоки в себя вбирает...» (4).

Из Сибири шагнул поэт в общесоюзную литературу и занял в ней прочное и почетное место.

В. Федоров — автор двух очерковых книг о сибирских колхозниках («Золотые звенья» и «На белой гриве», Новосибирск, 1947 г.). Есть у него изданные в Москве две повести — «Зрелость» (1953 г.) и «Добровольцы» (1955 г.). Василий Федоров — автор очерков, которые публиковались в журналах «Сибирские огни», «Новый мир», «Крестьянка», «Смена», «Огонек».

Но не проза определяет творческое лицо В. Федорова: главное для него — поэзия.

Особый интерес проявляет он к жанру поэмы как поэтическому эпосу. Этот интерес продиктован характерным для советской поэзии последних двух десятилетий стремлением к глубокому исследованию и осмыслению действительности, к объективному анализу прошлого, настоящего и будущего нашей страны — анализу связи времен, логики исторических процессов, поступи века, его философии. Смелые и широкие замыслы В. Федорова, автора поэм, ставят его эпические полотна («Аввакум», «Белая роща», «Бетховен», «Золотая жила», «Проданная Венера», «Седьмое небо», «Женитьба Дон-Жуана») в ряд значительных явлений нашей литературы.

Стихотворения В. Федорова (то есть лирика), наряду с его поэмами, — тоже заметное явление в современном литературном процессе.

Решительно отвергая мнение о том, что лири-

ка Федорова — только более или менее удачное приложение к его поэмам, полагаю, что в поэмах Федоров следует эпическому складу своего дарования, а в лирических произведениях следует в равной степени ему свойственному дару лирика.

Большая часть исследований посвящена поэмам Федорова. И сам он в своем предисловии к двухтомнику 1970 года именно о поэмах написал следующие чрезвычайно знаменательные слова: «Несколько слов о том, почему мои поэмы выделены в отдельный том, а не поставлены среди стихов по времени их написания. Прежде всего потому, что у моих поэм есть своя логика развития, видимые и невидимые связи, которые нельзя нарушать»

На мой взгляд, таких же слов заслуживает и его лирика: и в лирике его «есть своя логика развития, видимые и невидимые связи, которые нельзя нарушать».

В 1973 году В. Федоров, признаваясь, что его привлекает жанр поэмы, сказал: «Если лирическое стихотворение можно поставить на уровень живой клетки или группы клеток, то поэма тяготеет к уровню всего организма» (5).

Такая своеобразная оценка лирики Федоровым объясняется следующей его особенностью, о которой он сам говорит: «Писал и пишу лирические стихи. Но распорядиться ими привык после достаточных накоплений, когда уже видны контуры новой книги. Само собой получается, что стихи успевают отлежаться. Если они выживают за это время, то есть, если жизнь призывает их, — охотно прощаюсь с ними. Да, прощаюсь. К напечатанным стихам становлюсь более или менее равнодушным. Видимо, потому

и придерживаю написанное подолгу при себе» (5).

Вероятно, такого «прощания» с поэмами у Федорова не происходит, поэтому он считает их более совершенными, как более совершенен «весь организм» по сравнению с «живой клеткой или группой клеток».

Позволю себе, не согласившись с поэтом, сказать, что лирическое произведение, если оно по-настоящему принадлежит литературе, тоже «тяготеет к уровню всего организма».

Лирика (выражение переживаний) в меру свойственных ей законов так же, как эпос (объективное повествование), способна во всей полноте передавать историческое содержание времени.

Здесь разговор будет идти о лирике Василия Федорова как малой форме поэзии.

Лирика Василия Федорова — органическое единство, сцементированное личностью поэта.

Особой формой выявления личности поэта (его сознания, настроения и интереса к определенному кругу проблем) является образ лирического героя, который не существует в отдельном стихотворении, а выступает центром всего поэтического творчества, отдельного периода, цикла или тематического комплекса. Образ лирического героя помогает автору освободиться от эмпирических биографических ситуаций, иногда противоречивых и хаотичных. Опираясь на лирического героя, автор входит в лирическое произведение не во всей полноте своего умственного, нравственного, бытового опыта, а лишь некоторыми сторонами своей личности, существенными для его концепции человека.

В статье «Слово — жизнь» Федоров пишет:

«Мир сегодня, как никогда, сложен. Скрещиваются самые разноречивые идеи, мысли, чувства. И чтобы художник был с веком наравне, он должен стоять на передовых революционных позициях. Без этого нет истинного творца. У каждого поэта, о чем бы он ни писал, должна быть и своя социально-нравственная модель мира как чувство целого. При этом в нем существуют два полюса: личный и мировой. Тогда его личная тема, высвеченная мировым светом, приобретает значительность».

У Василия Федорова — стихи, «высвеченные мировым светом». «Меня,—продолжает он,—не устраивают просто стихи хорошие, если я не вижу за ними мира, созданного поэтом» (1).

Лирика самого Федорова — это большой и неповторимый мир Любви и Веры: горячей любви к социалистическому отечеству, горячей веры в организацию жизни по законам Добра и Красоты.

Мир этот — стихи, которые часто постигаются не сразу. И только при неоднократном к ним обращении они раскрываются во всей своей идейной глубине и красоте, награждая читателя, как сказал однажды Ю. Олеша, «радостными моментами счастливых прочтений» (6).

Поделиться «радостными моментами счастливых прочтений» лирики Василия Федорова — цель этой работы.

Судьба мне подарила Русь...

В. Федоров

Тема Родины — одна из самых глубоких и поэтических тем русской классической и советской литературы. В творчестве Василия Федорова эта тема занимает ведущее место.

«Русь. Россия. Русины. Россы. Россияне. Русские. В этих звуках есть что-то от рассвета, от вольного степного ветра, от шума тайги с посвистом птиц, от веселого всплеска волны на реках и озерах, от рокота синих морей и океанов... В этих сладостных звуках есть что-то от истока — истока жизни, нарастающего и бегущего то в солнечных просветах, то в туманных дебрях истории. И в тумане том на грани времен скорее угадываются, чем видятся, островерхие шеломы первых богатырей. Глянут из тумана васильковые очи северянки, блеснет темный лукавый зрачок южной красавицы. В этом далеке еще все изначально и молодо. Юный народ еще благодарно поклоняется солнцу, высокому дереву, глубокой реке. Но уже в парное лоно земли брошено ячменное зерно, уже сорван белый хмель и найден душистый мед, уже в дымном котле варится свадебная брага, уже складывается русская песня», — так лирически взволнованно, такой вдохновенно певучей прозой пишет поэт о главной теме своей поэзии (1).

В своей патриотической лирике он обнаруживает особую близость с такими поэтами, как С. Есенин, А. Твардовский, Н. Рыленков, А. Прокофьев, А. Яшин, Н. Тряпкин, С. Викулов, О. Фокина. Земля как источник всех национальных богатств, формирующая особенности русского национального характера, русской истории—это та точка отсчета ценностей, которая социально, нравственно и эстетически объединяет всех этих поэтов. Родство их, по выражению Федорова, «состоялось на крестьянском вопросе, который на разных этапах русской истории вставал по-новому. Почти всегда в острые моменты его решения появлялись поэты, чуткие к нему. На нем вырос Некрасов, в годы революции — Есенин, на этапе утверждения Советской власти в деревне появился Исаковский, а революционные преобразования тридцатых годов призвали к слову Твардовского» (1). В 40—70-е годы «крестьянский вопрос» не сходит с повестки дня истории нашего государства, выдвигая родственных по духу поэтов. Их творчество «подтверждает», по мнению Федорова, «справедливость концепции о перманентном значении «крестьянского вопроса» для нашей страны и его влиянии на литературу вообще, и на поэзию в частности» (1)

Советская русская поэзия богата и многообразна. Много у нас поэтов, «хороших и разных» (В. Маяковский). Для одних характерна апелляция к земле-матери, к земле-кормилице, а не к Земле-планете. Земля-планета — объект внимания других.

Большинство поэтов решают сегодня «экологическую проблему» — выражают тревогу за чистоту и сохранение лесов и рек, негодование

при виде нарушения естественного круговорота природы. Эта тема, например, стала основной в творчестве Игоря Шкляревского.

Я не ставлю перед собой задачу говорить об этой серьезной теме в нашей поэзии. Мне важно сказать об отличии исходных позиций, с которых решаются иногда даже общие для разных поэтов темы, связанные с землей — в данном случае. Вот почему, вспомнив Игоря Шкляревского, подчеркиваю, что он, защищая землю от гибели из-за издержек цивилизации, выражает любовь к ней не с позиции поэта, для которого земля — мать-кормилица. Шкляревский — сын города. Его поэзия пронизана мироощущением послевоенного поколения, закалившего свой характер в горниле заводской жизни, в рыбацких и моряцких буднях. Он любит «свежесть и грусть» родных просторов как горожанин, у которого «любовь к свободе, любовь к веселью и друзьям» перешла в «любовь к природе, к осенним рекам и лесам». Психология городского человека, приезжающего на природу из города, находит отражение в таких типичных для него стихах: «Нас думать учат города, но чувство времени живое нам дарит звездная вода и одиночество лесное».

И поэзия А. Вознесенского проникнута мироощущением, идущим от родной ему урбанистской стихии. Источником его неповторимых образов, неожиданных ассоциаций, сложных метафор является техника XX века. «Мой кот, как радиоприемник, зеленым глазом ловит мир», «царь... почерневший, как антрацит», «по лицу проносятся очи, как буксующий мотоцикл», «как лампочки, ввернутые в элегантные черные розетки костюмов, сияли лысины и прически»

и т. д. Только такой урбанист, как Вознесенский, мог написать: «Автопортрет мой, реторта неона, апостол небесных ворот — аэропорт».

А. Вознесенский — этот прирожденный урбанист — в последнее время пишет, что ему «надоело жить очерково»: надоело, что «все из пластика — даже рубища...» Он обращает свой взор к земле: «Упаду на поляну — чувствую по живой земле ностальгию».

Это обращение к земле, однако, не может быть основанием для сближения с «деревенскими» поэтами. Несмотря на обостренное внимание к «прекрасным соснам», «заглохшей груше» и «свежим стружкам черемух», Вознесенский остается верным сыном городской цивилизации. Он так же верен городу, как Твардовский, Тряпкин и Федоров верны деревне. Вознесенский принадлежит к направлению советских поэтов-урбанистов, у истоков которого стоят Маяковский и Пастернак, последний — времен его книги «Сестра моя — жизнь».

Интересна в этом отношении творческая практика современной советской поэтессы М. Румянцевой, которая сама себя называет горожанкой. Но и она обнаруживает тягу к земле и к землепашцам. Не случайно в последней поэтической книге «Характеры» (1977) сердцевинная тема выражена словами: «Стоит мой хлебопашец — мой герой — посередине ласковой России...»

Однако весь житейский опыт ведет ее в город. И правы те критики, которые, анализируя поэзию Румянцевой, говорят об ее учебе у урбаниста Маяковского.

Урбанистская поэзия — значительное явление в русской национальной истории. Известно, что наши национальные истоки не только из-

ба и пашня, не только фольклор, но и первые русские города и плоды городской культуры, такие, как «Слово о полку Игореве», Новгородская София, живопись А. П. Антропова, научная и литературная деятельность Ломоносова, русская промышленность и техника.

Я отдаю себе отчет, что понятия «родина», «народ» и «национальная специфика» связываются у нас не только с деревней. Большое число русских людей живет давно в городах, и горожанами-рабочими созданы многие материальные, духовные и нравственные ценности. Этого нельзя забывать, но нельзя не заметить и того, что так уж сложилась история нашей искони аграрной страны, что деревня в ней занимает важное место. Это выделяет русских людей среди других народов и в то же время объединяет их со многими народами. Земля плодоносящая — исток исторической судьбы всех земледельцев земного шара. Недаром в творчестве народов мира еще на стадии мифа земля порождающая была доминирующим образом. Но особенно велико значение земли как источника жизни для русского человека — исконного земледельца, деревенского жителя. На всех этапах истории России деревня, взаимодействуя с городом, в экономике играла главную роль. Это сказывается и в культуре.

Русская дореволюционная культура — сложный продукт взаимодействия деревенского и городского начал. По объективным причинам развития России как аграрной державы деревенское начало было главенствующим. Городское начало в русской литературе постепенно набирало силу и только в конце XIX — первом десятилетии XX века заявило о себе в полный голос. В

этот период сформировались писатели, в творчестве которых четко вырисовывается одно из этих начал как ведущее. Отсюда — деревенская, березовая Русь у Есенина и городская, петербургская Россия у Блока и Ахматовой.

Точкой отсчета ценностей для Блока при всей ориентации его на сближение с крестьянством, при всем отрицании им города-спрута, захватывающего своими щупальцами деревню, была городская предреволюционная Россия, устремленная к «невиданным мятежам», «неслыханным переменам».

Исходные позиции ахматовского урбанизма объясняют такие строки:

Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли,
Чтобы в строчке стиха серебриться свежее стократ.
Одичалые розы пурпурным шиповником стали,
А лицейские гимны все так же заздравно звучат.
Но возьму и за Лету с собою
Очертанья живые моих царскосельских садов.

«Очертанья живые» России Пушкина и Петербурга — краеугольный камень ее поэзии.

В советское время урбанистская поэзия усложнилась и углубилась.

К ней принадлежит, например, поэзия Н. Тихонова, рожденная Великой Октябрьской революцией с ее призывом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Это определяет интернационализм его поэтического творчества от «Сами», «Орды» и «Браги» до «Поисков героя» и «Юрги», от «Кирова с нами» до «Весны в Кахетии» и цикла стихов «На втором Всемирном конгрессе».

«Я забыт в этом мире покоем», — провозглашает поэт, глубоко веря в то, что «про землю стоит говорить, даже породниться с нею стоит». Землю Н. Тихонов видит через призму интер-

национальных идей революции, свершившейся на его родине.

Это является характерным для таких поэтов, близких Тихонову по мироощущению, как Безыменский, Жаров и Светлов с его знаменитой «Гренадой»

Интернациональное лежит в основе поэзии таких своеобразных урбанистов, как О. Берггольц, М. Дудин, Ю. Друнина, С. Наровчатов, К. Ваншенкин, Е. Винокуров, поэтов, начавших писать в годы Великой Отечественной войны. Эпиграфом к их творчеству могли бы служить строки М. Дудина: «Он родом из Орла иль Вятки, а вся земля его тревожит».

Урбанистской является интеллектуальная, научно-философская, аналитическая поэзия Л. Мартынова.

Поэт-урбанист виден даже тогда, когда в его стихах речь идет о деревне, которую он по-своему любит, о деревенских жителях, к которым он относится с величайшей симпатией. Показательно стихотворение Е. Винокурова «Синева». Примечательна его начальная строка: «Меня в Полесье занесло» Как это не похоже на ковалевское «И не прохожий здесь и не напрасный я» и федоровское «Деревенский я весь даже больше, чем был до того, как увидел трамвай»!

Лирический герой винокуровского стихотворения случайно попал в «безвестное село», но это не мешает ему, русскому человеку, восхищаться ясными глазами сельчан, которые «так синевой и полыхают».

В шинельке,—

видно, был солдат—

Мужчина возится в овине.

Окликни — он поднимет взгляд,

Исполненный глубокой сини.

Бредет старуха через льны
С грибной корзинкой и с клюкою.
И очи древние полны
Голубоватого покоя.
Девчата,
    Скромен их наряд,
Застенчивые чаровницы,
Зардевшись, синеву дарят,
Как драгоценность, сквозь ресницы.

Это восхищение хоть и искреннее, но как бы со стороны, в отличие от восхищения изнутри, к примеру, как у Фокиной: «Шла Настенька по настику, несла в глазах проталинки...»

Однако нет и не может быть генерализации одного направления за счет других, потому что «...у каждого тына, скажем, свой огород. И у каждого сына свой особый почет». (Н. Тряпкин).

Литературный ряд, объединенный на «крестьянском вопросе», характеризуется прежде всего близкой земледельцу «манерой понимать вещи» (В. Белинский).

Включая в этот литературный ряд А. Т. Твардовского, я имею в виду все его творчество, а не только раннее.

Внимание к судьбам русского крестьянства, близкое к нему мироощущение Твардовский пронес через всю творческую жизнь: для него «вся наземная краса» — не краса, если не видно «ракиты сельских гребель».

Характерно, что в поэме «За далью — даль» не только кузнечный цех уральского завода, а всю индустриальную карту своей страны поэт видит через деревенскую кузницу.

В самой последней книге Твардовского «Из лирики этих лет» есть стихотворение «Береза», которое позволяет говорить о том, что этот по-

эт, о чем бы он ни писал, всегда помнит «былые весны» национальной истории.

Поэт ни на минуту не забывает о том, что на территории сооружаемых по последнему слову науки и техники городов была лесная глушь, «был сенокосный угол дальний, когда и звона наковальни не доносилось из села». Поэт всегда ощущает «запах росный» русских исторических корней, которые, как он пишет, «вовсе забыть нельзя».

В поэзии В. Федорова, как и в поэзии А. Твардовского, как и в прозе В. Астафьева, М. Алексеева, В. Распутина, В. Шукшина, деревня — это истоки исторической судьбы России, «откуда есть пошел» русский человек, а не какая-то экзотическая старина.

Обращение к национальной (крестьянской, в частности) исконности наблюдается и в современной зарубежной литературе. Симптоматичны такие произведения, как роман американского писателя Бредбери «Вино из одуванчиков» и роман французского писателя Клансье «Черный хлеб». Идейной основой автобиографического романа Бредбери является утверждение добрых семейных традиций и устоев пахарей как живительных источников. В эстетической концепции Клансье очень важна мысль о том, что крестьянину Шарону, вынужденно ушедшему из деревни, трудно класть шпалы на строительстве железной дороги, но гораздо труднее — забыть дорогу для него миссию сеятеля, хлебопашца, труженика земли. Но в целом, однако, в литературе Западной Европы и США «и не встретить даже краткого упоминания или намек на то, где, в какой стране, среди какого народа вырос автор, в какие реки входил он в детстве. И что

бы там ни говорилось о стирании рубежей между европейскими народами, о единой «европейской нации», забвение своей истории, смыкающееся с отрешением от горячих токов современности, еще никогда не порождало высокую и сильную поэзию гуманизма. В конце концов, читая подобные сборники, убеждаешься: поэзия такого рода обескровлена, в ней нет ни истинной ненависти, ни настоящей любви; «нейтральный тон сегодня предпочтен», — с грустью признает один из британских поэтов... «Моя родина — не родина мне» — этот мотив стал сегодня одним из самых больных и в литературе США» (7).

А в современной советской поэзии патристическая лирика переживает расцвет, являясь символом доброго, гуманного отношения к землякам, к согражданам, к их труду, к их истокам.

Важен здесь общий лирический мотив, символ истока в его конкретном выявлении — в образе матери.

У А. Твардовского:

И первый шум листвы еще неполной,
И след зеленый по росе зернистой,
И одинокий стук валька на речке,
И грустный запах молодого сена,
И отголосок поздней бабьей песни,
И просто небо, голубое небо —
Мне всякий раз тебя напоминают.

У С. Викулова:

И хорош бы я был, хорош,
Если б вдруг, не признавши сына,
Молча: «Чей ты?» — меня спросила...

У Н. Рубцова:

Тихая моя родина!
Ивы, реки, соловьи...

Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои...

У О. Фокиной:

Звездной полночью осенней,
Серп нащупав второпях,
Мать меня в холодных сенях
Отделила от себя.
...Самый первый образ мамин:
Сноп ласкающих лучей
И вцепившийся зубами
Серп — в кофтенку на плече.

У В. Федорова образ матери — центральный во всей его поэзии. Мать — главная героиня его патриотической лирики. Во всех патриотических стихах так или иначе звучит мотив: «Вспоминается детство и мать моя жница...»

Образ матери как символ национального истока занимает значительное место и в современной так называемой «деревенской» прозе. Показательным в этом отношении является признание Валентина Распутина в том, что он не мог не написать «Матёру», «как сыновья, какие бы они ни были, не могут не проститься со своей умирающей матерью» (8).

У поэтов и прозаиков, объединенных на «деревне», никогда нет отрыва от земли с ее полями, лугами, лесами, рощами, от труда и быта деревенского жителя — исконного русского человека. Такие писатели ходят, что называется, «Босиком по земле» — так названа книга Александра Яшина. Они пишут «Не о звездах на небе, а о хлебе, о хлебе» (А. Прокофьев, книга «Признание»)

Своеобразным эпиграфом к их творчеству могут служить слова Прокофьева:

Нам надо знать свою Россию.
Пора пришла. И силы есть!

(Сборник «Приглашение
к путешествию»).

Для таких поэтов характерной является особая привязанность к родному краю, «с чего начинается родина»: у Твардовского, Исаковского, Рыленкова — к Смоленщине, у Солоухина — к Владимирщине, у Цыбина — к Семиречью, у А. Яшина — к Бобришному угору Вологодчины, у Василия Федорова — к сибирской деревушке Марьевке, что расположилась на берегу «золотобоккой» сибирской речки Яя.

У этих поэтов значительным является часто полемически звучащий мотив любви к Деревне как источнику национальной самобытности, во многом определяющей самобытность индивидуальности.

Настойчиво и последовательно верен своему истоку, идущему от родного ему крестьянского обихода, Н. Тряпкин: «В улетающем звездоходе я на землю не раз оглянусь, и приснится мне дождь в огороде (а у тына пасется гусь)» (1957 г.) и «Я не был славой затуманен и не искал себе венца. Я был всегда и есть крестьянин и не исправлюсь до конца» (1969 г.).

Органично пишет об этом же О. Фокина: «Скрипке — струны, речке — струи, дереву своя листва... Лаком не залакирую знаки кровного родства...»; «Не подумаю рядиться в чужеродное перо: и в столице — все я жница, и мое при мне добро» (1976 г.).

А у Ковалева программным в этом смысле выступает стихотворение, многозначительно названное — «Любовь».

Ржаного северного утра вотчина.
Рассвет нежнее ржания коня.
Иду, блестя ступнями, вдоль обочины,
Как полный колос, голову склоня.
И не прохожий здесь
И не напрасный я.
Так и уйду,
Любви не утоля.
Моя неблизкая зарница красная,
И светится в хлебах моя Земля.

Полемичность этого стихотворения скрыта в многозначительности названия и в подтексте. Правда, и текст заставляет видеть оппонента, к которому обращены слова: «И не прохожий здесь и не напрасный я», как и последние строчки, выражающие щемящее чувство вечной, неутоленной любви к «ржаного северного утра вотчине».

Открытую полемику с теми, кто не верит в эту неизбывную любовь к родным пажитям, воплощающим сложное единство прошлого, настоящего и будущего на историческом пути родного народа, ведет Сергей Викулов. «Она мне матерью была» — так назван своеобразный стихотворный манифест, в котором прямо сказано:

Критик мой, ты меня не брани,
Что я кланяюсь снова с грустью
Деревенскому захолустью,
Критик мой, ты меня не брани,
Я не хуже, чем ты, литспец,
Знаю — не по твоим уставам, —
Что приходит деревне старой,
Как ты выразился, конец.
Ах, далось же тебе шпынять
За грехи меня!.. Это просто.
Ты б попробовал, стрелы остря,
Прежде чувства мои понять.

Да тебе ли понять, тебе ль,
Что деревня была мне с мала
Та же добрая мама...
Мама,
Очень старенькая теперь.
Что она мне, как мать, дала
Душу, слово, характер, силу,
Научила любить Россию
И добро отличать от зла.

Эти слова поэта Викулова близки полемичным словам прозаика Ф. Абрамова: «Но странная вещь: как только заходит речь о деревенской прозе в целом, так у иных критиков начинается одышка, пропадает масштабность оценок, а кое-кто просто теряется: да что же это у нас делается-то? На дворе научно-техническая революция, эпоха спутников, а наши писатели безнадежно завязли на деревенских проселках. И вот уже раздаются голоса: деревенская проза переживает кризис, мода на деревенскую прозу, слава богу, проходит... Конечно, в произведениях «деревенщиков», как впрочем, в произведениях и других писателей, можно найти огрехи. Но вот насчет моды... Нет, извините. Этак ведь, чего доброго, можно договориться до того, что и тема России в литературе имеет характер моды» (9).

Пафос подобных строк разделяет и Василий Федоров.

Чтобы убедиться в устойчивости мироощущения поэта, интересно обратиться к одному из ранних его стихотворений, написанных еще до Великой Отечественной войны — к стихотворению «Прощай, село!».

Разнотональность и некоторая риторичность первых двух строф в произведении молодого, начинающего литератора искупаются последни-

ми двумя самобытными строфами, согретыми глубоким патриотическим чувством:

Мою страну
Не обойти в года,
Есть много мест,
Прославленных другими,
Но никому я счастья не отдам
Нести твое немеркнущее имя.
Промчится время — много, много лет,
Посмотрят люди, спросят мимоходом:
— Откуда он?
И скажут им в ответ:
— Он марьевский
И поступью, и родом.

Недаром В. Федоров возражает А. Дементьеву:

«Если бы критик сказал: «Вы не так пишете о земле, не так пишете о России, можно писать лучше», было бы понятно, но когда он упрекает их за то, что они пишут о земле и России, это непостижимо. Особенно достается их крестьянскому духу и крестьянской закваске. Его особенно пугает, что у многих поэтов деревня и земля выступают как некое социально-эстетическое начало. Пугаться тут нечего. Деревня, представляющая природу в ее трудовом состоянии, всегда была и будет нашим первейшим эстетическим цехом. О социальном значении деревни нечего и говорить» (1)

Личная привязанность к родному уголку, не помеченному на географической карте, — к деревне Марьевке Яйского района Кемеровской области, — оборачивается неразрывностью с отечеством. Сам поэт говорит: «Для меня Марьевка — живая клетка огромного социального организма, который мы зовем нашим социалистическим государством. И к нему в Марьевке

я подключаюсь как бы непосредственной» (10).

В июне 1972 года мне посчастливилось быть на районном празднике поэзии в Яе. Вместе с Кемеровскими литераторами — В. Баяновым, В. Махаловым, О. Павловским — принимал в нем участие и Василий Федоров. Под аккомпанемент проливного дождя, не помешавшего, кстати, празднику, поэт очень выразительно читал стихи «Прощай, село», «Русская сказка», «Блины», «Совесть» и говорил с любовью обращенным к нему слушателям о том, как повсеместно, на всем земном шаре, любят поэзию, вспоминал свои последние встречи с многочисленными любителями поэзии в Югославии, в Польше, на Кубе и в нашей стране — в Казани, на Алтае, в Кузбассе. «Мне нравится, что идет дождь, а мы в этом переполненном зале читаем и слушаем стихи», — так говорил Федоров. Я своими глазами видела, как вдохновляли поэта земляки, как помогали они подключаться к жизни не только нашей страны, но и всей планеты. Недаром В. Федоров любит приезжать в Марьевку. «Там, в Марьевке, — пишет он, — я воспринимаю заново все — и жизнь, и поэта с его лирическим героем. Там я и приучаю себя, стихотворца, к чувству первичности, к умению брать материал прямо из жизни.

Здесь все зримо,
Здесь жизни основа основ
Мне становится как-то
Намного яснее.
Как ни властна
Капризная линия слов,
Запах хлеба
Бывает сильнее.

В русле поставленной темы эти слова, относящиеся к 1973 году, очень важны. Они свиде-

тельствуют о том, что Василий Федоров открыто присоединяется к «литературным манифестам» своих собратьев по перу — Д. Ковалева, С. Викулова, Н. Тряпкина.

В книге стихов Федорова «Как цветы на заре» (1974 г.) настойчиво и даже категорично звучат слова:

Мы из крестьян,
Скажу начистоту...

(Из стихотворения
«Мы сами...»)

Нет, друзья мои, вас
Я еще не забыл
И столичную жизнь.
Иногда вспоминаю.
Деревенский я весь
Даже больше, чем был
До того, как увидел трамвай...

(«Друзьям»)

Кстати сказать, и прозаики не отказываются от своей приверженности к деревне. Примеров можно привести немало. А самым красноречивым является выступление Федора Абрамова на VI съезде писателей СССР, где писатель прямо говорил о том, что произведения «деревенщиков» давно уж вышли на передовые рубежи нашей литературы, потому что деревня с ее тысячелетней историей — это та многовековая почва, на которой выколосилась вся наша национальная культура. Ибо, перефразируя известные слова Достоевского, можно сказать: все мы вышли из деревни» (9)

Общее мироощущение, объединяя поэтов, не заглушает особенностей творческой индивидуальности.

Подтверждается это и лирикой Василия Федорова.

«На родине моей повыпали снега...»—это стихотворение, написанное вскоре после Отечественной войны, является одним из достижений поэта на пути его к творческой зрелости.

Изыщество этого стихотворения подметила критика, обратив внимание на то, что «в нем присутствует та недосказанность, которая задает работу уму и сердцу» (11)

Особую прелесть ему придает раздольное русское слово «повыпали», глубоко родственное кольцовским «пораскинулись», «понадвинулись», органично воспринятые от фольклорных протяжных лирических песен.

В этом раннем стихотворении заметны еще «тени предшественников», ощущаемые в таких строчках, как «И смутно под луной поблескивает снежная равнина», или «Полозья одинокие скрипят, как будто жалуются небу». Но за этим пробивается самобытный голос — собственно федоровская нота, усиленная колоритным сибиризмом: «...должно, шумит пурга».

Сместилось все
В сознании моем;
Как будто брежу дальними огнями
И в полушубке стареньком своем
Шагаю за скрипучими санями.
Вновь мерзну,
А дорога далека,
Сугробам белым нет конца и края.
На родине моей повыпали снега,
Я их люблю,
За что — и сам не знаю.

«Старенький полушубок», «скрипучие сани», «вновь мерзну» — это характерные для позднего В. Федорова реалии, которые вызывают в ду-

ше читателя отклик на мягкую грусть, выражаемую поэтом.

Воскрешенный памятью сибирский пейзаж внушает драгоценное чувство родины, дающее необходимое равновесие человеку. Недаром в стихотворении В. Федорова военного времени — «Завещание» — «солдат, приподнимаясь над постелью, в предсмертный час для сына диктовал»:

«Пиши, сестра, пиши...
Наш край метельный,
Где ты родился, —
Так и напиши, —
Умей любить
Любовью беспредельной,
Умей любить
Всею нежностью души».

Реплика «так и напиши» — характерная для творческой манеры Федорова зримая подробность каждодневного обихода, которая смягчает прямолинейность сентенции.

Стихотворение «Пурга» (1955 г.) является удачей поэта в его стремлении настойчиво добиваться органического единства медитативного и повествовательного начал в лирике. Первым таким опытом было стихотворение «Свадьба» (1936—1941 гг.) — веселая, сотканная из народного юмора колоритная картина деревенской жизни, в которой вместе с тем откровенно присутствует автор, наблюдающий, размышляющий и обобщающий увиденное.

«Пурга» — это повесть о детстве, о страшном случае в дороге, когда

Снег кружился:
Шутил, пошучивал
И, скрывая дороги даль,
Все сильнее, все злей закручивал.
Небывалой пурги спираль.

Любопытен здесь экскурс в психологию замерзающего, который, испытывая предсмертную тоску, «торопился все наверстать» —

И всей волею
И всей силою
Свое будущее призвал...
Жил, работал...
Встретился с милою...
И впервые поцеловал...

Но наиболее интересным представляется вступление к «Пурге», где взаимодействуют Родина и Любимая.

Боевая,
Во всем умелая,
Ты в одном у меня сдаешь:
Что ни выскажу, что ни сделаю,
Все чего-то недопоймешь.
Вот беда!..
Не прийти к разладу бы,
Не нажить бы с тобой нам зла...
Что-то, милая, сделать надо бы,
Чтоб меня ты во всем поняла.
Черноспелую брать смородину
И грибы собирать в лесу —
Повезу я тебя на родину,
В даль сибирскую повезу.

Разлад в семье, травма в отношениях между мужем и женой излечиваются поездкой в родные места. Родина (в конкретном — сибирском, марьевском воплощении) — благотворный целительный источник:

Может статья,
Наш край открывая,
Скажешь, ссору успев забыть:
«Милый мой, я тебя понимаю...
Как задумано, так и быть».

Дорогой, священный уголок — деревня, дорогой, священный край — Сибирь, но они не един-

ственные для поэта. Он провозглашает неразрывную связь между всеми уголками и краями России. Вот почему в лирике В. Федорова нет такой демонстративной нелюбви к югу, например, как у С. Викулова в стихотворении «К озеру», рефреном в котором является красноречивая строчка: «Не еду, не еду, не еду на юг!».

Для В. Федорова при всей его привязанности к лесному краю, море — «вечное земное чудо» и ему

В метельной и бурной стуже
Порой был слышен шум прибоя.

(«Море»)

Дорого ему «славное море — священный Байкал» и тогда, когда кипит его вода, когда порыв его дик и бешен, и тогда, когда он тих и безмятежен («Байкал»).

Но и к Волге неравнодушен поэт, потому что

В некий час
Не Волга ли внушила
Прадедовой силе богатырской,
Чтоб она, не мешкая, спешила
К вольным рекам
Стороны сибирской.

(«Корни»)

Получив в наследство от прадедов «страсть» к труду и страсть к дорогам новым», поэт побывал в «кулундинской глуши — в Кулундинской степи», суровые трудовые дороги которой вдохновили поэта на строки, ставшие крылатыми:

Нас не случай в холодные степи занес,
Мы давно человеческой радостью бредим.
Мы выходим за дверь.
Пусть крепчает мороз
И бушует пурга на дорогах, —
Доедем!

Работая корреспондентом журналов «Крестьянка», «Смена», «Огонек», В. Федоров много ездил по стране. Под впечатлением пребывания в краю снегов и чумов написана изящная миниатюра:

В глазах еще белым-бело,
По северу кочуя,
Я видел лебедя крыло,
Я видел лебедя крыло,—
Им подметали в чуме.

В лаконичных, графически четких словах чувствуется глубокая ирония, с помощью которой выражено сдержанное негодование против утилитарного использования красоты.

Современный критик справедливо заметил, что в пятистишии В. Федорова заключена огромная энергия мысли (12).

Бывал поэт и на европейском севере. Северные безжалостные ветры и мороз «крутят, гнут и вяжут в скорбные узлы» даже деревья. Признанием в любви стойким северянам и природе звучат слова из стихотворения «Карельская береза» (1958—1960 гг.):

Гляжу влюбленными глазами
И думаю:
«Она мила
Не тем,
Что мучилась годами,
А тем, что все-таки
Жила».

Словом, В. Федоров — единомышленник А. Твардовского, который писал:

Я рад любому месту в мире
• • • • •
Я в скуку дальних мест не верю,

И край, где нынче нет меня,
Я ощущаю, как потерю
Из жизни выбывшего дня.

(«За далью — даль»)

Чувство своей родины никогда не покидает поэта. Прямым историческим экскурсом в прошлое русского народа является стихотворение «С тобой, Россия» (1963—1966 гг.).

Это стихотворение характеризуется определенной условностью. Слова, используемые здесь В. Федоровым, важны для него не своим вещественным значением, а тем переносным поэтическим смыслом, который превращает их в знаки идеи.

Когда аркан
Над головой свистел
И шум пиров
Катился по улусам,
Другой бы постарел
И поседел,
А я русел,
Я становился русым.

Последние, в идейном отношении наиболее весомые слова строфы «А я русел, я становился русым» — важны не своим конкретным значением, а особым поэтическим смыслом, необходимым для выражения идеи о национальной стойкости русских.

Такому принципу подчинено все стихотворение, отличающееся резкой определенностью авторской позиции, прямой оценочностью, тенденциозностью, публицистичностью.

В нем Федоров продолжает начатый в стихотворениях «Иду, в молву стоустую...», «Слово», «Наше время такое...» разговор о том, что советская социалистическая Родина — это не земля

обетованная, не пресловутый библейский рай, а арена борьбы и труда:

Мы стали и моложе,
И новей,
Но в добром свете
Красных пятилучий
Твоя дорога
Стала только круче,
Моя задача —
Только тяжелей.

(«С тобой, Россия»)

Наше время такое:
Живем от борьбы
До борьбы.
Мы не знаем покоя, —
То в поту,
То в крови наши лбы.
Ну а если
Нам до ста
Не придется дожить,
Значит, было непросто
В мире
Первыми быть.

(«Наше время такое...»)

Сознавая всю меру ответственности за судьбу своей Родины, Василий Федоров так же, как и Сергей Викулов, очень хочет знать, «Глубоки ли и где его корни». Вообще поэтам этой направленности свойственно смотреть в корень своей национальной истории. Недаром у Н. Тряпкина читаем: «А про сельский наш корень скажу вам смелей: мы фамильнее прежних бояр и князей! Не на знатных гербах, а на наших горбах, эту Русь начинал еще царь Берендей».

Не случайно у Федорова есть стихотворение, так и озаглавленное — «Корни».

Но прежде есть смысл обратиться к более раннему стихотворению — «Выбор» (1945 г.).

Это произведение начинающего автора не является художественным достижением, но представляет интерес с точки зрения роста поэта.

В нем встает вопрос о том, что же более всего близко поэту: Небо, Море, Горячий цех или Земля? Небо неприемлемо оттого, что

На облаках легко и пышно.
Но, если на Земле скорбят,
То этой скорби здесь не слышно.

Море и Горячий цех тоже отвергнуты—«земной» и «пешеходный» поэт говорит, что его выбор пал на Землю:

Я — в поле,
А поля цвели,
Напоминая берег пенный,
Я — плоть и кость родной земли,
Вошел по грудь
В разлив ячменный.

Характерно, что уже это произведение бросает отсвет на весь поэтический путь Василия Федорова, далекого от категоричного антиурбанизма. В стихотворении, как и во всем творчестве, провозглашается неразрывный союз между Небом, Морем, Городом и Селом.

Недаром Море из этого стихотворения, обращаясь к поэту, обещает:

А я, повздорив с океаном,
Приду к тебе туда дождем,
Приду к тебе туда туманом.

Недаром Горячий цех говорит:

Иди,
Постигшие руду,
Мы не разминемся друг с другом.
Иди, а я к тебе приду,
Приду предплужником и плугом.

Это стихотворение является своеобразным истоком для таких стихов о рабочем классе, как «Пересохли жаркие ручьи...», «Трудовая книжка», «Его величество», «Испытание»

Необходимо, однако, отметить, что рабочие у Василия Федорова — это вчерашние крестьяне, хорошо помнящие свое крестьянство. В каждом рабочем Федорова можно различить черты «парня, росшего в селе».

Душа от гордости расправилась
У парня, росшего в селе.
И каждый видел,
Что прибавилось
Одним рабочим на земле.

(«Трудовая книжка»)

И в так называемых «рабочих» стихах поэт не отказывается от глубокого убеждения в том, что в деревне «ничто на свете не мешает видеть мир таким, каким он есть» («В деревне»), что рабочему земля «степенность придает», «она дает земную силу» («Роднюсь с красавицей-Москвой...»).

Стихотворение «Корни» — это фактически то же провозглашение союза между тружениками всех сфер человеческой деятельности.

Прадеды поэта — «род суровый, люди — непоседы»: бурлаки, рудознатцы, строители дорог, но главное — все они были знатоками земли. Трудная судьба часто бросала их «в бездорожье», и всегда нелегким было для них прощанье с пашней.

Возвращение в родное «поле с рожью» помогает обрести самого себя, освободиться от чужого, наносного.

Где-то ходим,
Чем-то сердце студим,
Ищем сказку не в своей судьбе.
Лет с двенадцати пошел по людям
И в конце-концов пришел к себе.
И всего на свете интересней
Стало то,
Что было от сохи...
Здравствуйте, покинутые песни!
Здравствуйте, забытые стихи!

Не могу согласиться с мнением В. И. Гусева, который, обвиняя Федорова, хотя и в нечастых, отступлениях от «самовитости», в качестве примера берет это замечательное стихотворение, заявляя о том, что старая соха-де — «плохой аргумент в устах такого поэта, как Василий Федоров» (13).

Вспоминая соху, поэт далек от любования патриархальной стариной. Соха здесь, как и «покинутые песни», как и «забытые стихи», не является символом деревенской архаики, а служит веским аргументом той «самовитости», которую поощряет и за которую ратует В. И. Гусев. В этом стихотворении Василий Федоров выступает за возвращение к своей первичности, которая проясняет взгляд и на настоящее, и на будущее. Кроме того, поэт выступает здесь против подражательства, которое и является как раз отступлением от своей первичности, от «самовитости». Этот мотив получает развитие в поэме «Женитьба Дон-Жуана» (1978). Поэт клеймит подражателей, жертвой которых оказался главный герой. Комментируя поэму, В. Федоров писал: «Любое подражательство безнравственно» (14) Мысль высказана как нечто давно обдуманное. Есть основание полагать, что думы об этом занимали поэта еще в период работы над

стихотворением «Где-то ходим...» (1961).

Чем более зрелым становится поэт, тем, по словам Твардовского, «взыскательнее память к малой родине» — к детству. Не случайно есть справедливое мнение, что такие поэты, как Твардовский, Федоров и близкие им, сильны эмоциональным зарядом детства.

У Федорова есть стихотворение сатирической направленности, разоблачающее «ответственное лицо», привыкшее «хоть чем-то, но повелевать», уверовавшее в то, что он единственный, который с высокой правдою на «ты». Чтобы исправить подобного чинушу, поэт, как ему представляется, «придумал самое простое средство» — напомнить чину «с государственной печатью на государственном челе» детство, повесив перед ним его портрет,

Где лопухами
Вянут уши —
Каким он был
В двенадцать лет.

(«Два лица»)

Поэт убежден, что память о детстве целе-
тельна.

Чрезвычайно интересным в этом отношении является стихотворение «Блины» (1966), которое начинается так:

Речь о газе ведешь,
О какой-то утечке,
О каком-то баллоне
При нашем дворе,
А на памяти
Добрая русская печка
И лицо моей мамы
В домашней заре.

Лексический поток, непосредственно взятый из арсенала современной действительности (газ, утечка, баллон), в середине строфы резко разрывается деталью уходящего быта — «русская печка». И не просто «русская печка», а «добрая». Эпитет расширяет смысловые возможности поэтической картины, выводящей читателя на простор широких национально-исторических ассоциаций.

Читательская мысль под воздействием стихотворной строки может устремиться в седую древность человечества, в жизни которого устройство очага всегда занимало важное место. На память приходят наши предки — русичи — и распространенная среди них закрытая «русская» печь, а не открытый очаг или камин, облюбованные другими народами.

В старом крестьянском быту печь занимала очень важное место. «Это был, — пишет Твардовский, — не только источник тепла, не только кухня, но и хлебопекарня, и универсальная сушилка, и баня, и прачечная, и, наконец, излюбленное место сладостного отдыха после дня работы на холоде, в дороге или просто когда что-нибудь болит, ломит, знобит. Словом, без хорошей печи нет дома» («Печники»)

Василий Федоров, используя выразительную метафору, называет жаркую печь «домашней зарей», освещающей живую душу дома, семьи — «лицо моей мамы», которая, колдуя на хитром огне, выпекает блины.

Еще в дохристианские, языческие времена, когда славяне поклонялись могучему Солнцу-Яриле, установился праздник, «широкой», «честной», «веселой» масленицы — буйное языческое разгулье, так и не преодоленное христианской

церковью, несмотря на все ее немалые усилия. Непременным атрибутом этого самого раздольного земледельческого праздника были круглые, румяные горячие блины, имитирующие солнце.

Блин, как и пряник, — своеобразное произведение народного искусства — символ красного солнышка, золотого колоса, солнечного масла. Вспоминается здесь есенинский образ: «Льется солнечное масло на зеленые холмы».

Блин — символ изобилия, о котором мечтал живший скудно русский крестьянин, любимое лакомство, дорогое угощение. И все это стоит за скупыми, непритязательными словами, не обремененными заранее предрешенными ассоциациями:

Пошурует клюкой,
Чтобы угли не гасли,
А потом накаленную,
С гладеньким дном
Мать гусиным пером
Сковородку намаслит
И зальет ее тонким
Шипящим блином.

Третья строфа — колоритная жанровая сценка на тему: «Крестьянские дети — милые плуты», не очень сытые и не избалованные достатком:

Ну а мы —
Мы за печкой
Не просим,
Не кланчим,
Только молимся нашим
Ребячьим богам,
Чтобы маму постигла
С блином неудача,
Потому что тот блин
Шел не гостю,
А нам.

И, наконец, в заключение, как в фокусе, сконцентрировано все, о чем было заявлено в трех предыдущих строфах:

Дорогая,
Наш дом
Стал приветливым домом,
И, когда ты колдуешь
На хитром огне,
Не откладывай блин,
Что получится комом,
А как память о детстве
Отдай его мне.

Мне не раз доводилось бывать на фольклорной практике со студентами-филологами в сибирских селах Бурятской АССР, Читинской и Иркутской областей.

В течение двух недель мы интенсивно записывали бытующий фольклор, а в заключение устраивали для наших помощников — знатоков фольклора — вечер современной, близкой деревне поэзии. И на этом вечере мы менялись ролями, теперь от нас записывали полюбившиеся стихи. И чаще всего записывали самые популярные, неизменно воспринимаемые с восторгом — федоровские «Блины».

Воздействие «Блинов» проверяла я и на других аудиториях — рабочих, студенческих, школьных. И всегда встречала искреннее и глубокое восхищение этим стихотворением, потому что в нем много «для сердца русского слилось»

«Блины» — несомненное достижение современной русской советской лирики. Оно являет собой пример той конкретности, сквозь которую виднеется, как выразился однажды Гоголь, — «бездна пространства». Это вдохновенное повествование о стране русского крестьянского детства как о начале начал народа и человека.

Поэта волнуют проблемы формирования моральных принципов человека, в своих воззрениях непохожего на «Ивана, не помнящего родства».

В решении нравственных проблем для Федорова характерен мотив Призвания, которому необходимо следовать верно и неуклонно.

Своеобразным зачином его поэтического поприща является стихотворение «Имел бы я всеведущий ум пророка...».

Хотя б на миг
Из тех далеких далей
Единый миг
Приблизился ко мне,
Чтобы понять,
Зачем меня призвали,
Что должен я
Исполнить на земле.

Примечательно, что тревожный вопрос, поставленный в начале литературной работы, — «Зачем меня призвали?» — станет кардинальным творческим вопросом, раскрывающим меру ответственности поэта за дела на всей планете и в родной стране.

В. Федоров создает в этом же начальном периоде своей литературной деятельности стихотворение «Агасфер». Образ легендарного вечно-го скитальца использован для того, чтобы провозгласить позитивную жизненную программу неутомимого поиска правды. Приветствуя неумное стремление к истине и святое беспокойство за судьбы человечества и соотечественников, поэт выражает протест против «красивых будней в спокойном пути». В. Федоров как бы снова задает постоянно тревожащий его вопрос: «Зачем меня призвали?» И отвечает: затем, чтобы,

как Агасферу, идти «огневыми полями», не прося пощады («И жизни щадить никогда не просил...»).

В цикле «Война и музыка» (1941—1945 гг.), следующем за циклом «Стихи ранних лет» (1936—1941 гг.), есть примечательное стихотворение-новелла под названием «Притча».

— Там, на горе,
Построен будет храм, —
Сказал Строитель,
Показал на камень. —
Возьмешь его обеими руками
И понесешь,
И к сроку будешь там...

На героя стихотворения возложена ответственная миссия, и он не только не огорчен свалившейся на него обязанностью, а как раз наоборот, — преисполнен счастьем:

*
Счастливый тем,
Что я,
А не другой
Был в ранний час
Строителем замечен,
Я камень приподнял над головой
И, пригибаясь,
Опустил на плечи.

Ноша была нелегка, и уставший носильщик не заметил, как решил сбросить непосильную тяжесть:

И бросил бы,
И сел на камень тот,
Но, трудный путь усталостью итожа,
Спросил себя:
«А кто же понесет
Его наверх?
Когда не я,
То кто же?!»

Обывателю с его трусливой моралью «Моя хата с краю» противопоставлен Человек, за счастье считающий возможность отвечать за все и делать больше всех. Здесь речь идет о святости обязательств, если человек есть человек, хозяин земли, а не равнодушный созерцатель.

О современном советском человеке, пришедшем от земли и вобравшем в себя Природу и Историю в их диалектическом единстве, написано стихотворение «Совесть» (1964 г.), по замечанию Ал. Михайлова, — «одно из самых трудных, отягченных драматическим чувством и предельно обнаженных» (15).

Героиня стихотворения — Мать-крестьянка, идущая из Сибири «Через тысячи верст, через реки, откосы и рвы...» до Москвы.

И по той,
Голубой,
Как бывало,
Спешит налегке,
Пыль метя подолом,
Пригибая березки,
Моя мама...
О, мама!
В мужском пиджаке,
Что когда-то старшой
Посылал ей из Томска.

В такой конкретной бытовой подробности, как старый мужской пиджак, заключен некий социально-исторический смысл, в нем заложено психологическое зерно образа матери-крестьянки.

Сохраняя конкретность, образ матери беспрельдно расширяется, выступая своеобразным выразителем этических, исторических, политических обобщений, и тем самым органически сочетается с образом Родины.

Раскинувшаяся на необозримых просторах

страна становится зримой благодаря Дороге — основному организующему образу русского фольклора, литературы, искусства.

Дорога — это русский национальный образ, модель мирового пространства бескрайней России, в отличие от дерева — вертикальной модели мира у других народов, обитающих в своих замкнутых по территории странах (у скандинавов — «всемирный ясень Иггдразил», у якутов — «шаманское дерево», у болгар вариант дерева — «вырастающий стебель»).

В темноте головы моей
Тихая всходит луна,
Всходит, светит она,
Как волшебное око,
Вот и ночь сметена,
Вот и жизнь мне видна,
А по ней
Голубая дорога.

Дорога — жизнь отдельного человека, дорога — исторический путь Родины.

В таком широком ассоциативном ряду стоят Родина и Мать, олицетворяющие гражданскую совесть.

Моя мама идет,
Из могилы восставши
Что ты, мама?
Зачем ты надела
Тот старый пиджак?
Ах, не то говорю!
Раз из тьмы непроглядной
Вышла ты,
Значит, делаю что-то не так,
Значит, что-то
Со мною неладно.

Нетрудно заметить, что поэт строит свое произведение на контрастах.

Контрастность слов, приемов, персонажей (поэт и шумящие скептики) обостряет восприятие возросшей роли личности, которая призвана «мир избавить от слез» и всех на земле сделать счастливыми.

Ответственность за мир порождает у Федорова, как в свое время у Маяковского, тему «должника» (Поэта, по Маяковскому, «всегда должник вселенной, платящий на горе проценты и пени»)

В «Совести» — в этой пламенной исповеди поэтического «Я», вмещающего в себя всю страну, выражена вера в нерушимую моральную твердость «Настоящего человека» — героя современности, противопоставленного тем, кто способен в трудный час «шуметь», «галдеть», «вздыхать», предаваясь мещанскому скепсису.

И пока отшумят,
Отгалдят,
Отвздыхают, —
Нагружусь,
Настыжусь,
Во весь рост поднимусь,
Отряхнусь
И опять зашагаю!

Нельзя согласиться с Л. Лавлинским, который полагает, что «точная музыка стихотворения «Совесть» воспроизводит монотонный ритм плача». «Многократные повторы, — пишет он, — выносятся из общего потока, выделяют наиболее значимые слова — это приводит на память поэтику фольклорных причитаний» (16).

С причитаниями это произведение не имеет ничего общего. Народно-поэтическая образность здесь почти не присутствует.

Реминисценция из Есенина: «В темноте голо-

вы моей тихая всходит луна» свидетельствует о смелости (кстати, идущей от Пушкина) в обращении с известными читателю и закрепленными в его памяти поэтическими формулами, необходимыми поэту для того, чтобы вызвать определенный настрой. В данном случае — настрой на по-есенински беспощадное отношение к лирическому герою как к личности, ответственной не за что-либо малое, а за то, «что еще никого на земле он не сделал счастливой» и «мир не избавил от слез» Беспощадность — есенинская, максимализм — чисто федоровский.

Лирический герой в стихотворении «Совесть» — натура максималистская. В соответствии с характером лирического героя автор создает не только исповедь, но и проповедь неустанной устремленности вперед к совершенству на благо родины.

Стихотворение «Совесть» несет в себе важную мысль о связи поколений, о верности заветам отцов и матерей. Многомерен здесь образ матери-совести, помогающий выразить философскую мысль о том, что современная национальная история развивается с учетом плодотворного опыта прошлого.

Василий Федоров часто в своих стихах употребляет слово «Русь», вкладывая в него, по его собственному выражению, наше современное содержание многонародности и многоязычия (17).

Со страниц стихов Федорова величаво выступает образ родины с «названием кратким Русь» в неразрывном единстве с личностью поэта, вместе со своими братьями по перу смело решающего важную социально-эстетическую проблему «Деревня, Земля, Человек».

«Словами, строгими, как в гимне», поэт про-

возглашает свое гражданское кредо, в свете которого разрешается эта проблема:

Иду,
В молву стоустую
Свой добрый голос влив,
И под ногами чувствую
Шестую часть земли...
Ты мне сама наградою,
Ты радость мне и грусть,
И верою и правдою
Служу тебе я, Русь.

Людам жить, и быть красе.

В. Федоров

Человек испокон веков стремится вносить в свою жизнь красоту. Василий Федоров называет ее человеческой радостью.

Поиски и находки этой радости — самое характерное в поэзии Федорова. Это его «открытие, наиглавнейшее из всех». Сам поэт говорит, что критики и публицисты заметили его после таких слов из поэмы «Проданная Венера»:

За красоту
Людей живущих,
За красоту времен грядущих
Мы заплатили красотой.

«Признание этих строк сопровождалось признанием всей моей поэтической концепции, выраженной в «Проданной Венере». При этом критика заметила, что поэма родилась не на пустом месте, она логическое развитие всего того, что было сделано мной до этой поэмы, что тема красоты — «моя» тема. Так появился интерес к моему творчеству и ко мне как творческой личности» (5).

Критика отметила, что о Красоте Федоров заговорил весьма оригинально и одним из первых.

Вл. Гусев писал: «Там, где другой заговорил бы о величии, о славе, о торжественности труда, В. Федоров замечает сначала именно это —

красоту труда. Ничего нет удивительного, что в стихах поэта то и дело мелькают строки такого рода: «Красивые! Они за нами пришли из будущих времен», «Нам трудно дается земли красота», «Вся наша жизнь должна красивой быть, как наши песни» и т. д. Ничего нет удивительного и в том, что поэт так часто и проникновенно пишет об искусстве: о музыке (поэма «Далекая»), о живописи («Проданная Венера», «Неизвестная»), о ваянии («Скульптор»). Наконец, не удивительна теперь и его трогательная, преданная любовь к природе» (13).

Красота в творчестве Федорова многогранна и многозначна. Это и труд — крестьянина, рабочего, служителя искусств, поэта в особенности. Это добрые человеческие отношения и природа.

В. Федоров не просто пишет о красоте, он борется «за красоту людей живущих», за утверждение красоты в жизни, последовательно отстаивая боевые гражданские принципы. Недаром он пишет:

Если стану счастливым,
Если стану спокойным,
Если стану ленивым,
Для борьбы недостойным... —
Пропадай оно пропадом,
Мое тихое счастье!

(«Верю в жизнь, но такую...»)

Пафос его произведений о красоте — насыщать красотой и смыслом повседневность.

Семнадцать...
Двадцать...
В годы те
Что понимал я в красоте?!
Румянца ль видя густоту
Иль бровь, приподнятую круто,

Я счастлив был,
Я красоту
С беспечной молодостью путал

(«Семнадцать... Двад-
цать...»)

Главной для поэта является не скоропроходящая, временная красота, а более прочная, красота не праздников, но будней.

Эта тема в творчестве В. Федорова выражает коммунистические, гуманистические морально-нравственные идеалы, она неразрывно связана с понятиями Добра и Правды. Здесь сказывается фольклорная основа его творчества.

Прямых переключек с фольклором у Федорова не так уж много, главное не в этом. Значительно то, что страстная мечта народа о гармонии Добра и Красоты, о совершенном, прекрасном человеке, о справедливости, воплощенная в фольклоре, в высшей степени присуща поэзии В. Федорова.

Красота в творчестве В. Федорова связана не только с пафосом утверждения, но и с пафосом отрицания всего того, что противоречит красоте, мешает ей занять господствующее положение. Именно тема красоты ввела в поэзию В. Федорова довольно сильную, очень для него перспективную сатирическую струю. Публицистически горячо и вместе с тем с проникновенным лиризмом поэт развивает в своем творчестве и критику, и самокритику «Год за годом, воюя с врагами, я в себе добиваю врага», — такое обнажение под силу только мужественным натурам. В этом убеждает нас «трудное и неуклончивое», по словам критика Ал. Михайлова, стихотворение Федорова «Рабская кровь». Лелея народную мечту о красоте, поэт не снижает критериев

требовательности ни к себе, ни к своим современникам.

В решении такой постоянной для Федорова темы ярко проявилось «необщее выражение» его дарования. Здесь особенно очевидно, что В. Федоров — поэт, для которого характерен высокий строй стиля, возвышенный лад его лиры, та одическая традиция, которая в русской поэзии XVIII — начала XIX века имела широкое распространение, в конце XIX — начале XX века своеобразно возродилась в творчестве А. Блока, а впоследствии заняла видное место в советской поэзии. Здесь имеется в виду ода как торжественное стихотворение, в котором публицистически страстно выражается гражданское и философское воодушевление. Известно, что ода имеет место не только в поэзии Ломоносова и Державина, но и Пушкина («Во глубине Сибирских руд»), Лермонтова («Смерть поэта»), Блока («Скифы»), Есенина («Русь советская»), Маяковского («Оды революции»), Смелякова («Ода русскому Человеку») и в современной поэзии Мартынова, Винокурова, Шефнера и многих других поэтов.

Новая жизнь классической оды своеобразно проявляется у Федорова. Для него характерно органичное сочетание гражданственности с философичностью.

Замечательно в этом отношении пейзажное стихотворение «И видел я...». Его отличает остренная чуткость восприятия красоты и величия природы. В нем видна свойственная поэту настроенность на высокий тон:

И видел я
Незримое доселе:
Над головой моей издалека,
Похожие на древних птиц,

Летели
Напуганные чем-то облака.
Да, да, они летели,
А не плыли,
Они спешили,
Изнизу горя,
Как будто серо-пепельные крылья
Им обожгла высокая заря!

«Доселе», «высокая заря», которая, «изнизу горя», обожгла «крылья облаков», напоминавших «древних птиц», — вся эта настроенность на высокий тон, возвышенная образность и лексика позволяют говорить о том, что перед нами ода. Она полна ощущения природы, вечно новой, способной предстать в неожиданном, перво-данном ракурсе:

Казалось,
Не был мир еще распознан
И, смутный,
Ждал рожденья моего,
Казалось,
Был он только-только создан
И я свидетель
Первых дней его...

Это не простая пейзажная зарисовка, а философское раздумье о мирозданье, которое должно «обжить и обогреть» призванное к тому человечество.

Эта философская лирика с присутствием ораторской торжественной интонации получила развитие в книге стихов поэта «Как цветы на заре». Образцами философских стихов являются включенные в этот сборник «Земля», «Человек», «Поле»

«Зреющее в славе» поле, «кипящее, как золото в расплаве, перед завивкой в колоски», наводит поэта на мысль о труде хлебопашца, «что

многих тяжелей», уводит его в глубь веков — к пращуру, поднявшему взгляд «от корневища до чахленького колоска»:

Тот взгляд — полет
От века к веку,
Тот взгляд — бессмертья
Добрый знак.
Спасибо первочеловеку,
Заметившему
Первый знак.

У В. Федорова, по справедливому замечанию С. Викулова, нет «слезного умиления перед каким-нибудь цветком с капелькой росинки на лепестке», нет восхищения «прелестью восходов и закатов», шорохами грибных дождей» и «мостами семицветных радуг» (18)

В. Федорову — «слагать бы оды» в честь Природы и Человека, как части ее. Для В. Федорова характерна тревога за всю Землю.

Хозяйское радение о Земле слышится во многих его стихах и особенно в таких наиболее тревожных, как «Пророчество» (1966 г.) и «Земля» (1974 г.)

Меня охватывает дрожь,
Когда смотрю
В провал заклятый.
О, человечество,
Куда ты,
Куда ты, милое,
Идешь?

Меня охватывает гнев.
Утраты восполняя скудно,
Ты истребляешь
Безрассудно
Природы
Вековой посев.

(«Пророчество»)

«Меня охватывает гнев», — пишет поэт, когда ему приходится видеть, как люди безрассудно истребляют «природы вековой посев».

«Меня охватывает дрожь», — говорит он, когда видит Землю преждевременно состарившейся от того, что «накрутилась, дымом накурилась, лечебных наглоталась порошков»:

Еще бы жить
Да жить моей планете,
Еще б сиять
Сиянием чела,
Когда бы не изматывали дети,
Что в звездных играх
Юной зачала...

(«Земля»)

По-тютчевски воспринимая природу в ее движении, изменениях, переходных состояниях, Федоров здесь с особой очевидностью продолжает тютчевскую поэтическую традицию — воспевает природу как живое существо. У него получает развитие характерный для Тютчева мотив: в природе «есть душа, в ней есть свобода, в ней есть любовь, в ней есть язык»

Поэт, не стесняясь прямоты выражений, используя ораторские приемы (обращения, восклицания, вопрошения) и другие средства художественной изобразительности, остерегает от бездумного отношения к судьбе Земли, а значит, и к судьбе людей. И таким образом поэт снова и снова выступает «за красоту времен грядущих».

От страстной защиты Природы, от признания любви к ней поэт приходит к признанию в любви к человеку, своему современнику и соотечественнику, к размышлению над проблемами нравственности.

В русле этой проблематики находится граждански смелое, мужественное стихотворение — ода «Лицо века» (1960 г.) Убедительным поэтическим языком говорится здесь о равнозначности прекрасного и коммунистического.

Герой этого стихотворения — наш современник, в котором неизбежно торжествует и побеждает прекрасное, это человек, «с веком своим поседевший в бою», которому «с жизнью его была вручена святая трагедия века».

Поэт утверждает мысль о том, что «неверная злоба, как маска, черна на мудром челе человека»:

Быть строгим велит
Атакующий класс,
Но доброе солнце над нами.
Оплакал друзей я...
Припомнил и вас,
Погибших слепыми врагами.

В центре этого произведения — напряженный поиск Правды века, поиск, который дает новую жизнь некрасовскому мотиву «То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть»:

Все сердце любви
Я отдать не могу,
Какой бы она ни явилась.
Оставил я место, на горе врагу,
Чтоб ненависть
Там поместилась.

И все же в нравственно прекрасном облике современника поэт хочет видеть разумное сочетание качеств бойца и сестры милосердной.

«Крепкие руки бойца» достаются герою «по воле, по страсти, по власти отца», а «сердце сестры милосердной досталось по кротости матери бедной».

В лучших традициях русской литературы (от безвестного древнего летописца до Льва Толстого) употреблять слово «кротость» для характеристики человека высоких нравственных качеств. У В. Федорова это слово, употребленное в новом историческом контексте, получает новое значение. В. Федорову вообще свойственно возрождать, давать новое дыхание идеям, мотивам, словам, ритмам, интонациям, овеянным русской национальной традицией.

Такая способность возвращать в строй добытое предшественниками вообще характерна для русской поэзии от Пушкина до наших дней. Это художественно и идейно оправдывается органической связью поэзии с современностью, новизной целей и замыслов.

«Лицо века» насыщено драматическими столкновениями чувств. Поэт, выступая за «красоту, чистоту» в отношениях между людьми не только нашей страны, но и всей планеты, призывает щадить «обнаженное сердце». Он считает, что моральный долг советских людей — преумножать число друзей, количество единомышленников.

Все испытав,
Мы знаем сами,
Что в дни психических атак
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая, займет наш враг.

Упругий образ боевой схватки, использованный в этом произведении, убеждает читателя в том, что «сердца — да это же высоты, которых отдавать нельзя» («Сердца», 1958 г.).

Нисколько не противоречит этой установке, а находится в диалектическом единстве тревожная поэтическая мысль:

Писатель некий
Предался врагу,
Сбежав от нас,
Ведет себя болтливо.
Предательство
Не ново на веку.
Еще один предатель —
Эко диво.

(Из цикла «Заметки» 1974)

В стихотворениях «Все испытав, мы знаем...» и «Писатель некий...» дает о себе знать и некра-совская политическая ирония.

Поэтическая публицистика получает новую жизнь в стихотворении «Мы спорили...» (1960 г.). Гражданский пафос воплощается здесь в форме, далекой от высокого тона и торжественного лада, хотя и близкой Федорову горячей прямо-ты и открытого выражения.

Федоров воспроизводит нарастающее лириче-ское волнение:

Мы спорили
О смысле красоты,
И он сказал с наивностью младенца:
— Я за искусство левое. А ты?
— За левое...
Но не левее сердца:

В начале стихотворения нетрудно заметить наличие простого рассказа о возникшем когда-то споре. Третья строка передает точное наблюдение над поведением партнера, ироническое недоверие к нему и, наконец, открытое осуждение его наивности. Элементы будничного повествования в зачине резко снимаются эмоциональной концовкой, содержащей в себе чрезвычайно на-пряженный в своей лаконичности диалог и ем-кий, как математическая формула, афоризм.

Мастерство поэта мобилизовано на утверждение партийности искусства «по собственному, — как сказал сам Федоров, — установлению» (17).

Очень характерна для лирики этого поэта ода «Ни в благодущии ленивом...».

Имея в виду это произведение, Б. Сучков писал: «Доплеснулась до стихов Федорова и могучая одическая волна русской поэзии, торжественная трубность, с которой русские поэты говорили о своем гражданском долге» (19)

И только нежеланием учитывать специфику жанра и индивидуальную манеру поэта можно объяснить мнение Б. Рясенцева об этом стихотворении, как «архаичном и по существу, и по изобразительным средствам» (20)

Пронзительное звучание этому стихотворению придает большая, общественно значимая идея, выразившаяся в решительной рифмовке, в чеканном ритме, в высокой лексике:

Ни в благодущии ленивом,
Ни в блеске славы,
Ни в тени —
Поэт не может быть счастливым
В тревожные для мира дни.
Беря пророческую лиру,
Одно он помнит
Из всего,
Что все несовершенство мира
Лежит на совести его.

Мысль о назначении поэта, о роли его в жизни общества сливается с мыслями о значении труда как главного критерия всех жизненных ценностей:

— Пиши, — сказали, —
Коли пишется,
Коль жизнь способности дала,

Но так, чтоб трудовая книжица
Всем книгам
Матерью была!

Такими «словами строгими, как в гимне», завершается одна из ранних, ныне прославленная ода труду — «Трудовая книжка», начиная с которой в лирике В. Федорова утверждается мысль о благотворности поэзии, рожденной в трудовом, рабочем коллективе:

— Пиши, да так,
Чтоб сердце плавилось
В неубывающем тепле,
Чтоб каждый видел,
Что прибавилось
Одним поэтом на земле.

«Неубывающее тепло» одических стихов, подчеркивая специфику индивидуальной творческой манеры, отчетливо высвечивает активную гражданскую позицию поэта Василия Федорова, по мнению которого «Нет вредней и бесполезнее, чем замыкание короткое на этой самой... на поэзии»:

Поэзия —
Не строчка ловкая,
Что Музой томною
Подарена,
Поэзия —
Железо ковкае,
Когда с нее
Слетит окалина,
Не та,
Чернильная,
Бумажная,
Не та,
Виньетками
Увитая,
Поэзия —
Душа отважная,
Для всех семи ветров
Открытая.

Содержащееся в этих стихах определение поэзии Сергей Викулов, товарищ В. Федорова по перу, назвал «одним из основополагающих в его поэтическом кредо» (18).

Ода не является единственной жанровой формой лирики Федорова. Он умеет высказывать социально значимые мысли о красоте в форме, тяготеющей к элегии.

Элегия такой жанр, в котором художественный результат достигается воспроизведением либо острого психологического состояния героя, либо воспоминания о каком-то печальном переживании, либо грустного раздумья над морально-нравственными проблемами.

Типичная элегия — «Осенний лес» (1955 г.). Она вся пронизана мыслями о чарующей красоте осени.

Герой идет в осенний лес, «как в сон и неизвестность» Сравнение фиксирует изначальную позицию, с которой лес видится, как тайна и загадка. По мере углубления в него покров таинственности исчезает: лес обретает черты сходства с миром людей. Это подчеркнуто целой серией сравнений:

Берега, крутые на выгибах речных, словно скулы сибиряка; березки, одушевленные волей автора, ведут себя осенью, как девушки-подружки, модницы, невесты «в кругу рябых чубатых женихов»: «как девушкам, им (березкам) не во что убраться, как модницам, обидно им до слез...».

Строгий, холодный, задумчивый осенний лес, как

...Женщина с прекрасными чертами,
К покинувшему чувства сохранив,
Сидит весь день с открытыми глазами,
В колени рукоделье уронив.

Порой в душе надежда шевельнется,
Что он,
Как только птицы прилетят,
Припомнит дорогое и вернется...
Глаза, не веря,
Холодно глядят.

Искусное сплетение сравнений завершается открытым авторским резюме:

Есть в судьбах леса маленькая схожесть
С большою
Человеческой судьбой.

В подобных стихах Федорова снова дает о себе знать тютчевская традиция. Нетрудно убедиться в этом, обратившись к таким тютчевским произведениям, как «Поток сгустился и тускнеет...», «Еще земли печален вид...», «Фонтан», «Как неожиданно и ярко...» и другие. Как у Тютчева, двойной смысл федоровских произведений — прямой, связанный с миром природы, и переносный, иносказательный, связанный с внутренним миром человека, — подчеркивается всем содержанием, системой художественных средств и композицией.

В виде своего рода композиционно-смысловой параллели построено стихотворение «Люблю я деревья...» (1961 г.), в котором выражена дорогая для Федорова мысль о неизбежном родстве человека с природой.

Доверительная интонация в этом стихотворении подчеркнута просторечием «потрафили»:

Люблю я деревья.
Достоинств не счесть.
Но в главном
Они мне потрафили —
Тем, что у каждого дерева есть
Судьба
И своя биография.

В разговорном ключе идет речь о сходстве судьбы деревьев с судьбами людей. «Им так же, как людям, при встрече со злом слезами тягучими плачется»... И они, «как мудрые люди точь-в-точь, в душе вековой и древесной сберегают не темную ночь, а зори, их отсвет небесный».

Особенно выразительна и убедительна заключающая строфу метафорическая антитеза: «...Не темную ночь, а зори, их отсвет небесный».

В произведении прослежена целая линия жизни со свойственными ей сложностями и перипетиями.

Все оно раскрывает ту огромную роль, которую играет лес в жизни людей. В нем не прямо, а косвенно находит отражение неоднократно запечатленный в фольклоре народный взгляд на лес, который веселит человека, дает ему прохладу, питает его и согревает. «Согревает» — в широком смысле слова, потому что изба, кровать, ложка были у русских людей деревянными — и так до гробовой доски (тоже деревянной)

К осмыслению многообразного значения леса приводит и звучащее неожиданно заключительное четверостишие:

Люблю я деревья,
Тесинку строгать
Легко мне,
Как умную книгу читать.

Эта неожиданность привела критиков в недоумение. В. Огнев из-за этой концовки счел все стихотворение туманно-противоречивым (21). А. Поперечному подобное заключение показалось свидетельством того, что «поэт в полстрасти читал эту умную книгу природы и жизни, да и сам как художник раскрылся не до конца» (22).

Вопреки этим критикам считаю, что заключительное четверостишие не нарушает цельности всего произведения. Оно вполне закономерно. Скромная тесинка в мудрых и умелых руках расширяет возможности человека-творца, преобразующего мир по законам красоты, — вот в чем смысл, по-моему, этого неожиданного, на первый взгляд, заключения.

Истинная красота доступна всем. Поэты, как и все служители искусства, являются проводниками Красоты в жизнь. Не двусмысленно поэт говорит об этом в стихотворении «Соловьи».

По жанру это редкая в лирике Федорова аллегория (соловьи — поэты), в которой хочу обратить внимание на следующие слова:

А соловьи смелей:
Мол, мы поем,
Чтоб радость пробудить,
Настроить мысли.
Мы, соловьи, настойчиво зовем
Не к отдыху души,
А к лучшей жизни.
Не развлекаем —
Помогаем жить,
Страдать, любить
Сильней и полновесней.
Вся ваша жизнь
Должна красивой быть,
Как наши песни.

Жизнь должна красивой быть, как песни. А это значит, что песни настоящих, больших поэтов являются эталоном красоты. Вот с этих позиций осмысливает Василий Федоров природу поэтического творчества.

Уже в цикле ранних стихов 1936—1941 годов есть стремление проникнуть в тайну зарождения поэтических слов, «нежных до изумления», и ре-

шимость сознательно вступить на нелегкую дорогу профессионального поэта.

И мороз,
И снег бескрайний.
На стекле, прикрыв закат,
Зарождается из тайны
Белый,
Белый,
Белый сад.

И точно так же таинственно «зачинаются слова», которые, по воле поэта обладая чудодейственной силой, заставляют слышать птичье щебетанье, видеть «белых гроздьев дрожь» в любое время дня и ночи, в любое время года. В воображении поэта возникает некий Сад творчества, а сам поэт — садовод-созидатель.

В стихотворении «Мне рваные брюки сегодня приснились...» находит выражение мотив назначения следовать по пути Музы Некрасова. С этой целью Федоров сознательно использует некрасовский стиль — некрасовскую иронию, вплоть до некрасовского размера:

Не каждому
С песнями жить припеваючи,
Не каждому — море любви.
Некрасов был гений,
А ты начинающий...
Терпи, мой хороший, терпи!

В. Федоров в этом раннем периоде своего поэтического развития трезво сознает, что литературная работа — труд до седьмого пота.

Уже на раннем этапе творчества поэт знал, что главным в жизни художника должна быть заветная мысль, которую необходимо успеть высказать, пока не настигла смерть. «Гордой мысли замах» не должен «застыть» — вот о чем на

писано проникновенное стихотворение «Смерть поэта» (цикл «Стихи — музыка»).

О Поэте-творце нельзя сказать, что он «постоянно ясен»: ему свойственны сомнения. Случается, как пишет В. Федоров, что к Поэту «в какой-то час придет усталость», когда приходится «свою душу на природе править, как на вечном оселке».

Дай бог ему
В тот крайний срок
Не встретить своего Дантеса,
Уже взводящего курок.

Многомерностью отличается своеобразно используемый здесь образ Дантеса, убившего Пушкина как истинного Поэта, обладающего особым восприятием мира, темпераментом, впечатлительностью, душевной отзывчивостью — всем тем, что составляет «магический кристалл» поэтического гения.

«Дантес» тождествен здесь такому горькому слову, как «непонимание». Для поэта творчество — самоотдача, и больше всего ему нужно понимание. Читатели-друзья предельно дороги Поэту. У самого Федорова есть такие читатели. С подкупающей искренностью звучат слова одного из них: «Я с изумлением вдруг подумал, что ведь, оказывается, читаю его стихи уже полжизни? Но я не помню себя без его стихов» (23).

Сам Федоров верит в своего читателя, который «не богом кроен, не богиней шит», «веселый, дерзкий», с «душою нежной», с «сердцем золотым», мудрый и справедливый.

Используя одический строй и лад, Федоров в стихотворении «Мой читатель» пишет:

В дни горя,
В дни бесславья своего

Лишь в нем ищу
Надежду и опору.
Любовью,
Дружбою
И даже ссорой
Я без уступки
Выстрадал его.

Своего читателя поэт именно «выстрадал», встречаясь с ним «на трудных перепутьях» за-долго до поэм и до стихов.

Настоящий читатель не будет упрекать за то противоречивое состояние, когда к Поэту подступит «черный человек» и он, «сделавшийся пасмурней и злей», вдруг воскликнет:

Люди — судьи.
Что мне пользы в судьях?
(«Долго поклонявшийся
железу...»)

Читатель-друг поверит, что неизбежно настанет момент, когда поэт, «повеселев умом», будет снова светло и радостно думать о людях, ибо люди, по глубокому убеждению поэта, — настоящая земная краса.

Тесно связана с осмыслением роли поэта элегия «Морошка», освещающая последние минуты жизни Пушкина.

В нашей критике достоинства ее давно признаны. Вот, например, как пишет о федоровской «Морошке» один из современных критиков — Е. Осетров: «Я не могу себе представить человека, который остался бы равнодушным к стихотворению Василия Федорова «Морошка», свежему, как листва в вешней роще. По своему просветленному, гуманному тону, по неожиданности и точности взгляда, по сюжету и отношению к жизни это произведение стоит того, чтобы его

заучивали на память дети. Простая северная ягода — подмороженная морошка — напомнила поэту о великом и скорбном. Но о чем же? Увидев золотисто-оранжевую ягоду, поэт представил:

Как в боренье с немотой
Ослабший Пушкин
Попросил морошки
Вот этой самой,
Кисленькой немножко.
Вот этой самой,
Скромной и простой.

О Пушкине написано много стихов. Василий Федоров заставил нас по-новому взглянуть на давно известный из биографии Александра Сергеевича эпизод» (24).

Такое прочтение мне кажется неоправданно облегченным.

Задача поэта состояла не только в том, чтобы заставить читателя «по-новому взглянуть на давно известный из биографии Александра Сергеевича эпизод».

Более убедителен другой критик (Л. Лавлинский), увидевший в этом стихотворении «отчаянный порыв, последнюю попытку немеющего поэта прильнуть к таинственному ключу родины» (16).

Это стихотворение о том, что поэзия Пушкина — больше, чем стихи, что «Пушкин начинает жить в каждом из нас еще до встречи с его стихами, как в новорожденном еще до встречи с солнцем уже пульсирует солнечная энергия» (17).

Пушкиным пропитан воздух нашей бескрайной и многоязыкой отчизны: и в тундре, где «пустынно, ни тропинки, ни дорожки, где «замшелые холмы, как волны в шторм», витает его

светлый и добрый гений. Незримо присутствует он и тогда, когда мы не сразу можем осознать его, вспомнить о нем. Это незримое присутствие и процесс его осознания передается поэтом с помощью двукратного повторения тревожных, мучительных вопросов:

...И запах
Подмороженной морошки
Напоминает что-то...
Что же?
Что?
И тучи,
И гагары
Слезным криком,
И солнце
Погасающим лучом
Напомнили
О чем-то о великом,
О чем-то скорбном...
Но о чем?
О чем?

В. Федоров в своем «Слове о Пушкине» сказал: «Все, к чему он (Пушкин) прикасался, носило печать долговечности» (17). Таковую печать долговечности приобрела «кисленькая немножко», «скромная и простая» северная ягода, которую попросил «в боренье с немотой ослабший Пушкин».

Поэт, воспроизводя сгустившиеся тучи, слезный крик гагар и погасающий луч солнца, приближает читателя к моменту, когда размашистое движение сердца Человека, щедрого, нежного, веселого, сурового и непреклонного, трагически останавливалось... Поистине великий и скорбный час, когда «Солнце русской поэзии закатилось»!

Незначительный, казалось бы, эпизод («морошка... поданная с ложки...») приобретает тра-

гедийный колорит! И произведение, на первый взгляд, непритязательное, оборачивается истинной своей стороной — тем глубоким волнением, которое, воздействуя на читателя, заставляет его переживать национальную трагедию, произошедшую свыше ста лет тому назад, но и до сего дня не утратившую своей остроты.

Творения гения, как и его жизнь и даже смерть, — неиссякаемый источник эстетического. Об этом думаешь, когда читаешь стихи, подобные «Морошке» или «Гамлету в совхозе».

В последнем стихотворении речь идет о фильме «Гамлет», который демонстрируется в совхозном клубе.

В луче света, идущего от киноаппаратуры, в пыльце, что «бледней волос загубленной датчанки», автор увидел «скорбящее лицо еще не старой, но седой сельчанки», плачущей «тихою слезою» над страданиями принца Датского.

Простой труженице совхоза понятен Гамлет, который не может спокойно видеть, как «золото венца», «отечески светившее» для него при жизни отца, «блестит все так же на его убийце». Ей понятны мучения принца, «когда из тьмы изменческих объятий с улыбкой прежнею выходит мать», «когда уста Офелии невинной уже успели ложью отравить».

Сто разных вздохов,
Как ее дыханье,
И, как лицо ее,
Сто разных лиц...

Она — живое олицетворение своих земляков.

Что Гамлету она,
Что Гамлет ей,
Чтобы терзаться
Над его судьбою?

На этот настойчивый вопрос, неоднократно повторенный автором, дается полный, исчерпывающий ответ. Судьба простой русской советской женщины-крестьянки — это судьба всего советского народа, она — не вне истории, а сама история в конкретном воплощении. Не случайно перед нею встает тень ее отца, участника революции и гражданской войны, зовущего «не к мщению, а к вере» Недаром ей вспомнилось, что

Она дышала адом,
Прошла войну
Со смертною бедой.
Уже сраженный,
Муж нездешним взглядом
Ее увидел,
Ставшую седой.

Вот почему «С высоты страданья своего, с вершины веры, что неугасима», она в душе боится за Гамлета, «как мать боится за родного сына».

Всем строем своего стихотворения Федоров утверждает, что решаемые большим искусством общечеловеческие темы Любви и Ненависти, Верности и Измены, Добра и Зла, Правды и Лжи близки всем людям, живущим на земле.

В произведении поднимается всегда волнующая проблема, каким должно быть искусство, принадлежащее народу. Косвенно, но очень убедительно Федоров в нем возражает не так уж редким заявлениям некоторых писателей: «Пусть массы дорастут до нас, тогда будут понимать. А нам спуститься к ним трудно». Прав А. В. Луначарский, вспоминая Л. Н. Толстого, который говорил, что только в тех случаях можно вести речь о достигнутом художественном

шедевре, когда его понимает каждый работающий человек, даже ребенок (25)

Есть у Федорова в его «Гамлете...» свое решение этой проблемы. Воспроизводя покоряющий искренностью образ деревенской женщины, глубоко понимающей шекспировского «Гамлета» — «трагедию земли» — он убеждает в том, что главным качеством искусства для народа должна быть высокая художественность, выражающая высокий накал идей и страстей.

В. Федоров стихотворением «Гамлет в совхозе» говорит, что советскому народу, освобожденному Великой Октябрьской революцией, прошедшему через немалые исторические испытания и через испытания Великой Отечественной войны в том числе, нужно искусство на уровне Шекспира и Толстого.

На IV съезде писателей РСФСР Федоров заметил: «От быта вообще нельзя запросто оторваться и навсегда уйти к Мадонне Рафаэля» (26).

Эта реплика поэта вызывает в памяти его стихотворение «Хозяйка» — глубокое раздумье о проблемах сельского быта.

Великий Октябрь наградил самых простых тружеников святым чувством хозяина «своей земли, своей судьбы».

Героиня стихотворения (жительница Марьевки Авдотья) — революцией раскрепощенная и окрыленная «вседержавная хозяйка». Она «кольнула областное око, бросала и повыше взгляд — на тех, кто учит издалека доить коров, поить телят».

Лирический герой этого стихотворения, в душе которого «томительная виноватость... отравой разлилась», близкий герою из «Совести»,

«мучился виной» из-за того, «что жизнь в деревне стала плоше...»

Зрелые и трезвые слова Авдотьи, все ее поведение и весь ее облик восприняты и лирическим героем, и читателем как серьезный жизненный урок:

И все ж, не позабыв урока,
Я шел, виновный до конца,
Не в роли
Юного пророка,
А в долге
Зрелого бойца.

Немолодая, «усталая и болящая» Авдотья, наделенная мудрой душой, выступает перед читателями истинной красавицей. Красота Авдотьи — плоть от плоти родной земли и щедрых ее плодов. Красноречивым подтверждением этого является мастерски воссозданная сценка с земляничкой:

— Поди, забыл... Испробуй нашу... —
Ладонь, шершавая с боков,
Была как склеенная чаша
Из темных,
Мелких черепков.
Румянясь,
Ягода лежала,
Тепличной ягоды крупней,
Светилась,
Нежилась,
Дрожала,
Как будто вызрела на ней...

Какая яркая скульптурно-живописная картина! Здесь живопись является непременно компонентом выразительности и свидетельствует об умении поэта вводить словесный рисунок в стиховую ткань. Искусство пластики здесь тоже использовано. Оно таково, что «ладонь шерша-

вая с боков» и румяная ягода видимы, осязаемы, объемны.

Колорит и пластика этой картины позволяют говорить о больших возможностях поэта, для которого точкой отсчета ценностей выступает труженик-крестьянин, сроднившийся, почти слившийся с землей.

Только такой неистовый поборник Красоты, каким является в советской поэзии Василий Федоров, мог так заключить свое вдохновенное «Слово о Пушкине», произнесенное им в Кремлевском Дворце съездов на торжественном вечере, посвященном 175-летию со дня рождения родоначальника великой русской литературы:

«У Пушкина на всем печать красоты. К пушкинской красоте мы шли трудными путями — через жертвы, разлуку и голод гражданской войны, через трудовые подвиги пятилеток, через испытания войны Отечественной. Мы шли к нему не отдельными избранниками судьбы, а всем народом. Мы пришли к нему и сказали: «Наш Пушкин».

И не только к пушкинской, а вообще к красоте советские люди шли нелегкими путями и пришли не сразу.

Не случайно тема красоты в поэзии последних двух десятилетий заняла почетное место. Со второй половины 50-х годов она волнует не только В. Федорова.

Читатели помнят строчки Константина Ваншенкина: «А нам все мало, мало, мало земной нехитрой красоты», стихи Михаила Львова «Хотелось жизнь прожить красиво» и других поэтов.

Каждый решает эту тему по-своему. Особым подходом отмечена она в творчестве Федорова.

«Неубывающее тепло» лирических произведений В. Федорова, посвященных теме красоты, — пример того, как одна из вечных тем искусства может «верою и правдою» служить современности.

В разных жизненных пластах находит Василий Федоров красоту и щедро дарит ее людям.

*Любовь мне как призвание
на добрые дела.*

В. Федоров

Любовь — неперенная тема лирики.

Значительное место занимает она и в лирике В. Федорова.

Мировая поэзия богата разнообразными трактовками любви и любимых.

Всем известны Беатриче Данте, Лаура Петрарки и земная возлюбленная из сонетов Шекспира, подобная женщине Саади, которая, «если в сердце проникает, то и глаз ласкает».

Нашим достоянием стали гётевские красавицы, о постоянном внимании к которым мудрый немецкий поэт лукаво писал:

Мой дед красавицам был рад,
И я в том грешен, каюсь..

Разнообразные интерпретации любви дает русская и советская поэзия.

Для Пушкина любовь — «и божество, и вдохновенье», и такое «чудное мгновенье», когда любящий, ни минуты не сомневаясь, говорит возлюбленной:

Чтобы продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я...

Разлюбившая оставляет по себе только добрую память и достойна самых благих пожеланий:

Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим!

Печаль о любимой — светлая. («Печаль моя светла, она полна тобою...») А сердце человеческое, по Пушкину, всегда «горит и любит оттого, что не любить оно не может».

Лермонтовский герой — «страдалец» и «друг случайный» — в любви максималист. Он, клянясь «позором преступленья и вечной правды торжеством», отдает любимой «все-все земное», но предъявляет ей непомерно высокие требования, которые она, «покой навеки погубя» и с «отрадой тайной» предаваясь ему, не может удовлетворить и потому остается во власти его невольных «злых стяжаний».

С большой трагической силой раскрывается любовь в лирике Тютчева, для которой сквозным является глубоко человеческий образ женщины, «так пламенно, так горячо любившей наперекор и людям, и судьбе».

Эту женскую самоотверженность в любви подтверждает Марина Цветаева:

Я — страница твоему перу.
Все приму. Я белая страница.
Я — хранитель твоему добру:
Возращу и возвращу сторицей.
Я — деревня, черная земля.
Ты мне — луч и дождевая влага.
Ты — Господь и Господин, а я —
Чернозем и белая бумага.

У Блока любовь — это служение, поклонение женщине — ангелу, хранителю, земному воплощению Вечной Женственности как символу все-

го солнечного, доброго, честного и справедливого.

Любовь Маяковского — огромный стимулятор жизненных сил.

В. Луговской смотрел на любовь, как на одну из «тайных сил», «неисчерпанных, бездонных».

Обращаясь к любимой, Пастернак писал:

Дай запрю я твою красоту
В темном тереме стихотворенья...
Пошло слово «любовь», ты права.
Я придумаю кличку иную.
Для тебя я весь мир, все слова,
Если хочешь, переименую.

Современный русский советский поэт Игорь Шкляревский пишет о любви-взаимопереживании: «Если долго смотреть в дорогие глаза, в них однажды твоя засверкает слеза»

По-своему воспевает чувство любви и В. Федоров. Он, продолжая смелую исповедальную традицию русской поэзии, открыто заявляет (не без некоторой доли максималистской категоричности):

Любовь —
Как жажда истины,
Как право есть и пить.
Я, может быть,
Единственный,
Умеющий любить.

Любовь — всегда загадка.

«Как случилось, не заметил», пишет поэт, что именно на этой извечной вселенской загадке сосредоточил он свое поэтическое внимание в таких первых своих стихах о любви, как «Радость, нежность и тоска...», «Милая моя, милая...», «Как случилось...» и другие.

Кажется, в напряженных поисках ответа на

вопрос, кто дал любимой женщине «эти глаза магнитные и руки нежнее нежности», помогают сами слова и звуки родной русской речи. Как заклинания, звучат: «милому», «вымолить», «мало», «пламень», «приковала». И поэтически организованная звукопись мобилизует читателя, заставляя почувствовать, «как полно смятения влюбленное сердце в полете просторном», и задуматься над неизбывной тайной, когда единственная — дороже всех и «другая потеряла красоту».

В ранних любовных стихах В. Федорова Он — страдающий «от чувств нахлынувших сумятицы». Она — «светла, как водопад, с дрожью, с ужасом падения».

Земное, плотское начало станет типичным для федоровской концепции любви.

От ранних поэтических зарисовок идет прямая дорога к стихотворению «Как второе пришествие...» (1963 г.) В этих стихах «нет пресности — в них течет густая алая кровь жизни и страсти» (19) В них выражено глубокое человеческое переживание в его обнаженной первожданности, пугающей, кстати сказать, некоторых критиков, для которых «восторг до отчаянья, до высокого очень» перед «веселым сумасшествием торжествующей плоти» — нечто запретное для поэзии.

Главный образ этого стихотворения — трепетно нежный лебедь олицетворяет «чистоту, красоту», о которых тоскует, по словам поэта из «Неизвестной», поколение его современников.

Принцип, по которому создано «Как второе пришествие...», является общим эстетическим принципом поэта.

Для Федорова всегда характерен трезвый,

без приукрашиваний взгляд на жизнь. Он не склонен срезать острые углы и умалчивать даже о том, о чем почти все, повинуюсь сомнительному кодексу приличий, молчат. Принципу сознательного обнажения Федоров следует и в стихах о любви, прямо провозглашая его в стихотворении «От голготы младенческой»:

И чтоб в любви
Не гасли мы,
Не впали в тишь и сонь,
Слова должны быть
Страстными,
Нагими, как огонь.

Словами «нагими, как огонь», написано стихотворение «По главной сути...», которое вызвало ряд отрицательных критических отзывов. Некоторые критики склонны видеть в нем даже вред. С этим нельзя согласиться.

Известная категоричность этому стихотворению свойственна:

По главной сути
Жизнь проста:
Ее уста...
Его уста...

Это стихотворение является своеобразным продолжением другого, предыдущего, написанного в том же ключе:

Все речи да речи...
Молчи, Фарисей!..
Никто не поверит,
Имея понятие,
Что дети родятся
От жарких речей,
От жарких речей,
А не жарких объятий.

Стихотворение «По главной сути...» предельно лаконично. В нем нет повышенной экспрессии

тропов, обилия эпитетов. Оно отличается синтаксической и лексической однородностью. Эта лаконичность несет в себе огромный заряд эмоциональности и подчеркивает открытую полемичность его гуманной идеи.

Стихотворный размер обеспечивает динамичную интонацию, усложненную риторическими вопросами. И это придает стихотворению характер выстрела, без промаха бьющего в цель. А цель — воплощение мысли о том, что главное на земле — люди, их добрые отношения, здесь — отношения самые сокровенные, интимные.

Структурно стихотворение заключено в так называемое «строфическое кольцо». Финальное четверостишие не буквально повторяет первое. Рисунок зачина изменен в финале, хотя и очень незначительно: «По главной сути жизнь проста» — «А жизни суть, она проста». Но это изменение заставляет звучать декларацию очень доверительно, почти элегически. Громкое провозглашение в начале снижается в конце до тихого, раздумчивого замечания. Способ «кольцевого» построения по своему происхождению песенный. Но здесь у Федорова он теряет свою мелодическую основу, помогая созданию оды в честь любви, осмысляемой в гражданском, философском, планетарном и даже космическом масштабах.

Использованный здесь прием гармоничного сочетания одического и элегического начал служит утверждению главной идеи произведения: любовь как источник жизни на земле, «призвание на добрые дела» — суть жизни, а все, что ведет к гибели людей, — это «ошибки, накладки и заблуждения веков», достойные осуждения и гневного протеста.

Любовь венчается новой жизнью, не меркнувшей в веках. Вот гуманная основа оптимистического стихотворения «По главной сути...», из которого, как полагаю, выросла поэма «Женитьба Дон-Жуана» (1978). Всемирно знаменитый образ мифического женопоклонника В. Федоров высветляет по-новому Его Дон-Жуан понял только лишь в XX веке «не где-то, не в какой-то там стране, а именно у нас, в Стране Советов», что высокий смысл бытия — в любви, освященной идеей бессмертия рода человеческого.

Поэма эта — чрезвычайно важная по эпической масштабности охвата жизни — и примыкающее к ней стихотворение «По главной сути...» поднимают моральные проблемы на значительный философский, общечеловеческий уровень.

В первых стихах о любви привлекает восторг поэта перед чудом неукротимой устремленности к одной, дорожке которой нет никого. Особенно эмоционально насыщенным, экспрессивным и драматичным является «Анна мне снится, Анна мне снова бредится» — «Спаси меня, Анна»

Интересна попытка проникнуть в психологию безответного чувства в стихотворении «Где плыву? Куда причалю?..», не свободного, правда, от некоторых банальных образов: человек — лодка, горе — море и т. д.

В ранних стихах есть мотив Прощанья — Прощенья — Благодарности за внушенное чувство любви (стихотворение «За дружбу, за любовь, за боль...»)

Уже в ранней его лирике берет верх образ женщины — близкой, земной, прекрасной в самой обыденной обстановке, даже тогда, когда она, «снимая с плахи, развешивает на кусты не

очень новые рубахи и очень свежие холсты» («На берегу», 1945 г.).

В ранней любовной лирике В. Федорова неким особняком стоит стихотворение «Если б богом я был...». Женщина в нем предстает в романтическом ореоле. Перед нами любопытный рецидив романтического сознания. Для начинающего поэта это естественно, хотя в целом для Федорова не характерно.

Федоров в пору литературной юности смело шел по пути, завоеванном реализмом, по пути претворения обыденного в ранг поэтического. В основе этого претворения — радостное удивление перед богатством жизни.

Недаром говорят, что удивление — мудрое чувство. С помощью этого чувства поэт познает женскую психологию, проникает в величайшую из загадок — тайну любви.

Все чудо:
Солнце, весны, зимы,
И звезды, и трава, и лес —
Все чудо!
И глаза любимой —
Две тайны
Двух земных чудес.

(«Другу»)

Глаза любимой могут вселить в душу не только радость, но и муку сомнений и ревности.

Страдания в любви, однако, не порождают безнадежной усталости. Побеждает «чистота, красота», светлое оптимистическое начало — горе, печаль от неразделенной любви остаются, но вытравлена ненависть к разлюбившей:

Я целовал твое письмо,
Не унимая нервной дрожи.

В нем наказание само,
В нем отречение — и все же
Я целовал твое письмо.

(«Я целовал твое письмо...»)

Борьба лирического героя с самим собой завершается утверждением любви как чуда, вдохновляющего «на добрые дела», способного в минуты опасности спасти даже от смерти. Показательным в этом отношении является стихотворение «В своей скитальческой судьбе...». В нем даже есть, как бывает в фабульных произведениях, своеобразная экспозиция: «В своей скитальческой судьбе я много думал о тебе».

Герой стихотворения, путешествуя «под вой пурги истошной» в жуткую метельную ночь по Барабе, «в жестоком снежном мятеже, когда зарыться в снег охота», замерзал, и глаз его «уже коснулась смертная дремота», как вдруг перед ним возник облик любимой, вдохнувшей в него силы — «сквозь непроглядную метель идти меня поторопила».

Высоким взлетом трогательного чувства отмечены вот эти особенно «раздумчивые» строки:

Я думаю:
Ничтожны муки,
И сколько ни пришло бы их, —
Пока приветливые руки
Касаться будут рук моих.

Неоднократно повторенное «я много думал», «я думал, думаю и ныне» подчеркивает мятежную, мучительно выстраданную мысль.

Стихотворение, зачином которого является трехстрочная экспозиция, обрамляет «строфическое кольцо».

«Кольцо», содержащее в себе типичную для дарования В. Федорова торжественную, припод-

нятую фразеологию, не является «трескучим» риторическим «привеском», а содержит в себе вывод, органически раскрывающий и обогащающий мысль, воплощенную в произведении.

В. Федоров почти совсем не «условен», ассоциативен весьма скуп, главное в нем — необычайная близость земному, воссоздаваемому высоко и торжественно.

Широким и смелым строем стиха, с одной стороны, продолжающим лучшие традиции русской классической поэзии, с другой стороны, чрезвычайно новаторским, отличается любовная лирика цикла «Марьевские звезды» (1950—1955 гг.).

Выделяется из всех психологически проникновенное стихотворение о любви-разлуке:

Еще недавно нам вдвоем
Так хорошо и складно пелось.
Но вот гляжу в лицо твое
И думаю:
Куда все делось?
Но память прошлое хранит,
Душа моя к тебе стремится...
Так, вздрогнув,
Все еще летит
Убитая в полете птица.

Б. Сучков справедливо заметил, что в него «естественно и властно влилась и неумирающая тютчевская интонация» (19)

Как правило, господствующей во всех стихах является интонация чисто федоровская, например, в таком замечательном стихотворении из этого цикла:

Неравнодушная к приметам,
Ты помнишь ли ту ночь,
Когда
Средь звезд,
Горевших ровным светом,
Явилась странная звезда?

Неотразимое впечатление, которое производит эта строфа, несомненно, связано с причудливо организованным ритмом: в перекрестные мужские и женские рифмы вторгаются «белые» строки («Ты помнишь ли ту ночь... среди звезд»), делая остро ощутимым эмоциональное напряжение автора.

Ты помнишь,
Как тебя пугало,
Что та звезда
Среди звезд других
То совершенно потухала,
То разгоралась ярче их?

Здесь в соединении сложного и таинственного звездного мира с миром будничных, хотя и непростых отношений между любящими раскрывается страх потерять родственную душу, стремление сберечь верное, чистое сердце, неотступное перед превратностями любви, которая то вспыхнет, то вдруг погаснет, похожая «на ту капризную звезду...»

Боязнь потерять любимую иногда оборачивается смелой, «не знавшей средин» готовностью бороться за нее, в настойчивом борении отстаивать свое преимущество перед соперником, завоевать любовь.

Упорство на пути к своей любви необоримо:

В нетерпенье неистовом,
Все вперед и вперед,
Я беру, словно приступом,
За суетом сует.

(«Ветер ходит метелицей...»
из цикла «Дикий мед»)

Очень близок этому произведению балладный «Пролог» (цикл «Не левее сердца»). В центре его — рассказ «седого старика», выдавшего виды

вагонного спутника, «о том, как на горе Райиз погибла юная радистка».

Холодная суровость Заполярного Урала, воспроизведенная в стихах Федорова, своеобразно подтверждается выразительными пастелями кузбасского художника Н. Шемарова «На массиве Райиз» и «Метеостанция Райиз» (1976 г.).

Девушка ждала своего возлюбленного, когда «снег уже шалил в гульбе и ветер плакал над горою». И вдруг послышался ей «слабый крик, на зов любимого похожий» Это был сигнал, чтобы идти к нему навстречу:

Сжималось сердце от тоски,
Седели волосы от стужи.
Но шла она
Под вой и визг
В желании неодолимом.
И навсегда
Все вниз,
Все вниз,
Ушла за голосом любимым...

Своеобразными слушателями повествования о разыгравшейся в непогодной ночи трагедии были и горы — «жильцы веков с холодным блеском ледников», грозные «стражи северных просторов». Большая любовь, как и горы, принадлежит векам: своей силой и могуществом она вечна и священна.

Коршун из одноименного стихотворения Федорова тоже «закружил встревоженно», услышав призывные стоны и плач «нехитрого травяного манка», имитирующего голос коршуники.

С ответным криком,
Полным страстности,
В бесплодных поисках ее,
В любви

Забывший об опасности,
Он падал на мое ружье.
Оно
Навстречу было взброшено...
И все ж я птицу не убил.
Любовь священна.
Даже коршуна
Не трону
В час его любви.

(«Коршун», 1961—1963)

Довольно странным является толкование этого стихотворения критиком В. Огневым, который пишет: «...вовсе не согласен со стихотворением В. Федорова, где он заявляет, что в час любви нельзя убивать даже коршуна, ведь «любовь священна». «Не убей коршуна? И фашисты любить умеют? Нет!» (21).

Справедливый отпор такой интерпретации хороших стихов дает автор книги о Федорове В. Еремин.

И я считаю, что фашизм тут ни при чем. Речь идет о прославлении святости любви. Автор заостряет внимание не на том, что перед ним был коршун, он подчеркивает, что это прежде всего — птица («И все ж я птицу не убил»), которая близка человеку, как весь животный мир (зверье — меньшие братья людей, по Есенину).

У В. Огнева при анализе этого стихотворения произошел, как справедливо заметил В. Еремин, отрыв от текста, и поэтому проявились предвзятость и субъективизм. Позиция критика туманна и противоречива — это явно. А позиция автора предельно ясна. Читатель верит его высокогуманной мысли, что «любовь священна» (27).

В. Федоров воспевает любовь — помощницу на жизненном пути, способную «стряхнуть уста-

лость», «освободить от недугов», «пробудить новые желания», «душу обновить» — настоящую любовь, «испытанную в ссоре», «в добром мире», «в горе» и «в беспокойном счастье».

Сложная гамма чувств находит отражение в таких стихах о любви, как «Иду, кладу упрямый шаг...», «Все в памяти...», «Мне о том слагать бы оды...», «Твердишь ты...», «Как умру...», «Ландыш», «Уйти? Уйду!...», «Ты у меня в гостях была...» и других.

Палитра художника, исследующего и истолковывающего сложное и противоречивое чувство любви, многокрасочна, звукопись его полифонична. Он в этом случае вполне солидарен со своей современницей Ольгой Берггольц, которая, анализируя состояние поэта, воссоздающего неисчерпаемый, не знающий застоя, вечно обновляющийся мир человеческих эмоций, писала: «И вот я становлюсь многоликой, и многодушной, и многоязыкой»

Устойчивым мотивом в любовной лирике Федорова является пушкинский мотив — «И сердце вновь горит и любит — оттого, что не любить оно не может». Своеобразным экстрактом этого мотива является стихотворение из цикла «Третьи петухи» — «А я когда-то думал...» (1963—1966 гг.)

А я когда-то думал,
Что седые
Не любят,
Не тоскуют,
Не грустят
Я думал, что седые,
Как святые,
На женщин
И на девушек глядят.

Что кровь седых,
Гудевшая разбойно,
Как речка,
Напоившая луга,
Уже течет
И плавно,
И спокойно,
Не подмывая
В страсти берега.

Основное средство изобразительности здесь — сравнение. Человек, страстный, жизнелюбивый, соотносится с рекой, в которой — «буйство, быстрина и глубина». Это прием так называемого положительного сравнения. Здесь же употреблено и отрицательное сравнение: убеленный сединами темпераментный человек не похож на речку, напоившую луга во время весеннего разлива, которая «течет и плавно, и спокойно». Кроме того, здесь использованы метафорические сравнения: о речке, которая течет спокойно, сказано, что она «не подмывает в страсти берега», а утверждение неумирающего интереса к женщине, как источнику прекрасного, начинается так:

Нет,
У седой реки
Все то же буйство...

«Седая река» — это микрообраз, сжатый в одном лишь метафорическом эпитете, становится идейным и композиционным центром всего произведения.

Большую роль здесь играет сравнение «седой реки» с «седым человеком». Здесь сказалась «важная черта современного поэтического мастерства»: способность «устанавливать и закреплять связь вещей, образов, понятий, часто удивительно отдаленных» (это замечание само-

го В. Федорова, которое он высказал в статье «Поэзия и жизнь» (1), внимательно и чутко анализируя стихи своих собратьев по перу А. Прокофьева, Я. Смелякова и других, но эти слова в полной мере относятся и к стихам самого В. Федорова, в частности, к стихотворению «А я когда-то думал...»).

Произведение, построенное на сравнениях, придающих ему выразительную живописность, отличается богатой, гибкой интонацией, большой ритмической силой. И все это мобилизовано автором, чтобы пропеть гимн бессмертию «земного чувства», неизбывной жизненной энергии.

И, конечно, слышится в нем грусть. «О как меня подводит седина!» — восклицает поэт. Эта светлая печаль в других стихах, написанных раньше, отлилась в такие слова:

...Вешний день по душе и седым.
Только стал замечать,
Что приходит весна
Раньше всех
Вот к таким молодым.

(«Тишина, тишина...»)

Каждый читатель знает, что у В. Федорова «про любовь... многое написано», и «про любовь-разлуку есть», и «про любовь-свидание», но особая федоровская мѐта — на стихах, которые «всего нужней в горький час супружества». Василию Федорову принадлежит особая страница в любовной лирике наших дней, своеобразие которой определяется пристальным вниманием к любви «второго огня», к любви тех, кому за тридцать.

Этот пронзительный мотив начинает звучать

в стихотворном цикле «Не левее сердца» (1958—1960 гг.):

Ровесниц вижу увяданье,
Уже не юности расцвет,
А пережитого страданья
Милей мне
Благородный след.

(«Семнадцать... Двадцать...»)

В цикле «Третьи петухи» (1963—1966 гг.) можно проследить своеобразную эволюцию этого мотива:

Любил,
Как сон,
Прелестную,
С мечтой
И грустью в облике,
Любил полунебесную,
Стоящую на облаке,
Не видел,
Как менялася
С бедою неутешною,
Не видел, как спускалася
С небес
На землю грешную...

Женщина, земная, «не тихая, не слабая» — предмет восхищения лирического героя из стихотворения «Любил, как сон...»

Такая
И встречается,
Такая мне и любитя,—

замечает он.

Голос героя поднимается на высокую, проникнутую глубоким драматизмом ноту, и в нем слышится почти что ультиматум:

Нет, не хочу я
В молодость вернуться,

Вернуться к дням,
Где не было тебя.

(«Была любовь...»)

«Любовь второго огня» часто начинается с рун, где приходится «склеивать обломки кирпичей»:

И склеил я,
Не оробел,
Не сник.
Своей любви
Я здание воздвиг.

(«С душой, не созданной
для драк...»)

Не случайно этими строчками, утверждающими жизнестойкость, завершается цикл стихов «Книга любви».

Центральное для этой темы в любовной лирике В. Федорова стихотворение — «Сопrotивляясь темной силе...». В нем нет конкретной лирической ситуации. Душевный, жизненный опыт лирического героя подается в аллегорическом плане. Жизнь — дорога. Жили — «шли, не искали, где полегче», «шли долго». Прожили полжизни — «дорога та полжизни длилась». Удачно найденная эффектная поэтическая формула (дорога) углубляет идею поздней любви.

Дорога жизни героев, которым суждено встретиться в зрелости, чревата, как уже говорилось, утратами и потерями:

...шагали через боль,
Оглядываясь на могилы
Тех, с кем делили
Хлеб и соль.

Потеряна «горделивая осанка», ее «сменила просто прямота».

Тяжелый след оставила «любовь попутная спозаранку»...

Но идущие не теряют надежды — это живая лирическая тема находит освещение в своеобразной оценке «терпеливой наивности», которая «отстала и не догнала»

Ожидание вознаграждается бесценным богатством — встречей. Эту тему несет в себе излюбленное Федоровым «строфическое кольцо»:

Мы друг за друга заплатили
Ценою слишком дорогой.

В последней строфе находит место устойчивая для Федорова в его концепции любви тема — «в седой реке все то же буйство»:

Не говори,
Что отлюбили,
Что сердцу
Время на покой...

В эти строки, как реки в море, втекают все темы стихотворения, получая в них логическое завершение.

В русле этого произведения находится «Второй огонь» (1961—1963 гг.). Это не аллегория, а прямое рассуждение, построенное на сравнении способности любить с березой, сгоравшей не до золы, а до углей.

В моей душе,
Как в горне грубом,
Небесполезно им лежать.
Лишь только б огонек...
Да губы...
Да губы,
Чтобы подышать.

От этого резкого сближения двух смысловых рядов — прямого и переносного — идет вывод,

звучащий по-федоровски нарочито обнаженно и афористично:

Не гибнут страсти.
Над враньем
Опять смеюсь,
Пусть не лукавят.
Любовь горит
Вторым огнем.
В таком огне
Железо плавят.

Любовь «второго огня» не противоречит федоровскому пониманию любви как неумемной жизненной энергии, как «призвания на добрые дела».

Недаром сборнику стихов 1974 года дало название стихотворение, в котором содержатся такие многозначительные слова:

Как цветы на заре,
Так и люди
В любви хорошеют...

Все стихотворение — очень любопытный опыт в творчестве В. Федорова последних лет, основанный на использовании романсовой традиции. Романсовая традиция использована для того, чтобы, задевая эмоции, настроенные на романс и потому особенно отзывчивые, выразить «вечную» тему благодетности любви. Общеизвестная тема осмысливается более остро, так как формой выражения ее выступает испытанная поэтичность.

История развития русской лирики говорит о том, что главным для нее всегда было традиционное — творчески использованное, а не бездумно разрушенное.

Лирика В. Федорова дает чрезвычайно интересные примеры такого творческого использова-

ния. Вот почему блоковская интонация в стихотворении «О, Русь моя!..», есенинская — «Зимний ветер, гикни над елью», тютчевская — «Еще недавно нам вдвоем...» воспринимаются как творчески переосмысленное богатство национальной культуры на ином историческом, биографическом и художественном опыте.

Широко и свободно ориентируясь на особенно характерный для его дара высокий, одический лад мыслей и чувств, поэт в одной из миниатюр еще раз последовательно и неизменно провозглашает твердую верность своему пониманию любви: «Бог любви, я снова в сердце ранен, огради от смертного одра, удержи меня на светлой грани, чистой грани мира и добра».

Веря в любовь как проявление «мира и добра», Федоров отстаивает земное, живое и полное начало в любви («жаркие объятия» и «веселое сумасшествие торжествующей плоти»).

Одним из главных открытий Федорова является мотив любви «второго огня» — любовь людей, которые встретились поздно и «друг за друга заплатили ценою очень дорогой».

Любовь Василия Федорова — «извечная, как Русь», «боль и врачевание». Он умеет словами, горячими, как огонь, воспроизвести переживание безответной любви. Поэт проникновенно передает, «как полно смятенья влюбленное сердце в полете просторном, как боль захлестнула обхватом смертельным...»

По Федорову, и безответная любовь — дар и великое благо, поэтому «вечный» мотив любви в его лирике логически завершается крылатыми словами: «Любви несчастной нет, она, какую бы ни была, всегда счастлива».

...И опять зашагаю.

В. Федоров

Лирические произведения Василия Федорова написаны «с чувством своего мира», сложного и целостного.

В центре поэтического мира В. Федорова лирический герой — страстный борец за передовые идеи века. Характер его нелегкий, подчас резкий, отвергающий всякую половинчатость в чувствах, не признающий компромиссов в мыслях и поступках, однако, подкупающий читателя своей нравственной чистотой и неуклончивой целеустремленностью.

Герои этого мира — люди сильных страстей, глубоких мыслей, наделенные высоким чувством человеческого достоинства, гордые и мужественные советские люди, твердые в своей любви к социалистическому отечеству и вере в победу гуманных устремлений, отношений, деяний.

Поэтический мир В. Федорова — это мир великолепного русского языка, чистого, меткого, емкого, кровно связанного с народным языком — колоритным языком сибиряков.

Это мир замечательного русского стиха, вобравшего в себя достижения русской и мировой поэзии, русского и мирового фольклора.

Интересно заметить, что Василий Федоров, проявляя живой интерес к разным формам ор-

ганизации стиха, в последнее время обратился к такой редкой строфической структуре, как терцины.

Лирика В. Федорова, отмеченная печатью крупной творческой индивидуальности, органически сближает его с теми поэтами, которые, воспроизводя действительность во всей ее сложности и многообразии, социальными и нравственными корнями связаны с деревней. А жителей деревни в нашей стране немало. По свидетельству социологов, среди взрослых горожан те, кто родился в деревне, пока явно преобладают.

Такие писатели, призывая помнить национальные истоки и беречь духовные ценности, уходящие в века, решают нравственные проблемы с особенной остротой. Недаром их произведения — одно из значительных явлений современного искусства.

Явление это глубокое и разветвленное. К нему принадлежат литераторы разных поколений, разной степени одаренности, работающие во всех уголках страны. К нему имеют отношение известный поэт Владимир Цыбин и менее известный Владимир Балачан, скромный певец западносибирской «глубинки» — Барабы. Характерно, что этот литературный отряд увеличивается за счет молодой поэтической поросли. Здесь можно назвать начинающего поэта из Ленинграда Анатолия Белова, который верит, «что еще не опали золотые плоды в материнском саду» Он убежден, что «спокойная сила, пополняясь со всей России», начинается с села, где он родился и вырос. Уверен в этом и молодой поэт из Красноярска Александр Щербаков.

Уже накоплен опыт.

Не проходит бесследно и опыт Василия Фе-

дорова. Так, в последних книгах земляков поэта кемеровчан В. Баянова и В. Махалова обращает на себя внимание идея возвращения к себе, к своим истокам и верности своей исконности во всех сферах жизни; известно, что в лирике В. Федорова эта идея занимает важное место.

В. Махалов в стихотворных циклах «Память», «Утренние поляны», «Возвращаюсь к тебе», «Зеленое эхо», В. Баянов в лирических стихах «Сторона любимая, приметная...», «Отойди, время, детство не засти-ка...», «Я приехал, я дома...», «За рекой талиновой, за мельницей...», не изменяя своим индивидуальным голосам, произносят свое «здравствуйте» «покинутым песням» и «забытым стихам».

Лирика В. Федорова интересна в жанровом отношении. В его стихах получают отражение все грани лирики, но особенное предпочтение поэт отдает жанру оды.

Природа федоровской оды снимает упреки в прямолинейности, в злоупотреблении высокой и архаичной, по мнению отдельных критиков, лексикой.

Приверженность к одической традиции выявляет особенности индивидуального стиля Василия Федорова, подчеркивает своеобразие написанной им страницы в истории русской советской лирики — его художественные завоевания.

В беседе со мной Василий Дмитриевич выразил сомнение, можно ли сегодня говорить об оде, с которой в читательском восприятии связано представление о восхвалении царей и цариц. Не лучше ли, сказал он, отказаться от этого термина.

Я позволила себе высказать мысль о том, что

ода — не всегда восхваление, это скорее торжественное лирическое стихотворение, написанное в приподнятом тоне, проникнутое пафосом утверждения высоких гражданских идей. Ода, как лирико-ораторский жанр поэзии, помогла Ломоносову и Державину с огромной смелостью вскрывать общественную правду, а Радищеву, Рылееву и Пушкину позволяла выражать революционные, социально прогрессивные идеи. Одическая традиция, надолго исчезнувшая из русской литературы, своеобразно дает о себе знать в лирике Некрасова и не случайно возрождается в эпоху Первой русской революции 1905 года. Одическое начало сильно в поэзии Брюсова, Маяковского. Оно получает развитие в творчестве современных поэтов, в том числе, как полагаю, — в лирике Василия Федорова.

Однако нельзя не согласиться с Василием Дмитриевичем, что утверждение жанра оды в советской поэзии требует серьезной, весьма обстоятельной аргументации, убедительного развенчания сложившихся штампов в мышлении и представлениях.

Природа лирических жанров Федорова заслуживает пристального внимания и изучения. Проявляя склонность к оде, он своеобразно развивает традиции баллады и элегии.

Кроме того, его интересует поэтика романса, не чуждого русской поэтической традиции. О том, что романс смело входит в творчество поэта, свидетельствует своеобразный цикл романсов, занявших видное место в поэме «Женитьба Дон-Жуана». Он проявляет интерес и к принципам выражения жизненных переживаний в форме миниатюры, в которой находит сложное взаимодействие традиции народной послови-

цы, басенного нравоучения с традицией короткой восточной бесфабульной притчи и рубайя. Для творчества В. Федорова с его устремленностью к афористичному стилю эта «лапидарная, сильно концентрированная форма» (Ал. Михайлов) весьма закономерна.

До последнего времени миниатюра в лирике В. Федорова была явлением хотя и перспективным, но эпизодическим. В книге стихов «Как цветы на заре» (1974 г.) миниатюре уже отведен целый раздел. Это свидетельствует о том, что жанр получил своеобразное утверждение.

В нем чрезвычайно плодотворно проявляется специфичная федоровская склонность к шутке:

Все ворочают умами:
Ходит Пушкин
Между нами!
Где же?
Видимо, сей бард
Не имеет бакенбард.

Склонность к проповедничеству, ничего общего не имеющему со скучным морализаторством:

Все выскажу,
Ни перед кем не струшу,
Не отступлю
Ни перед какими лицами.
Невысказанный гнев
Убивает душу —
Не становитесь
Самоубийцами!

Мне дорог смех,
Но все же различай
Веселье глупости
И мудрости печаль.

Способность к неназойливым нравоучениям:

Любит совесть?
Нам не в новость

Доброта людей таких.
Негодяи любят совесть,
Когда совесть —
У других.

Характерная для В. Федорова исповедальность:

Я ваших сочувствий
Не слушаю,
Что из носу кровь потекла.
Борьба — это самое лучшее,
Что жизнь
Подарить мне смогла.

Квинтэссенция федоровской философии природы выражена в миниатюре «Береза»:

Стоит в бересте
Под еловою кроной,
Как в курной избе
Золотая икона.

Приди поклониться —
И боль отболится.

Все миниатюры, как правило, отличаются глубиной мысли и отточенностью формы.

Возможно, этот жанр в творчестве В. Федорова будет эволюционировать.

В. Федоров творчески не стоит на месте. В январе 1978 года вышла в свет совершенно оригинальная по жанру и по идейно-философской направленности поэма «Женитьба Дон-Жуана». Почти все поэты земли воспевали Дон-Жуана, пустого и жестокого, по мнению одних, «прекрасного и несчастного», по мнению других. Герой В. Федорова — художник страстей, занятый поиском прекрасного в любви. Счастливая любовь двоих венчается новой жизнью. Поэтому и смерть не в силах омрачить неизбывную радость бытия — такова оптимистическая основа

ва поэмы, знаменующей новый шаг в творчестве поэта.

В каждом новом произведении В. Федорова обнаруживается настойчивое, неустанное движение.

Поэт — в пути, его ждут новые открытия, новые творческие победы на радость всем любителям поэзии и почитателям его светлого дара.

Май, 1978 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федоров В. Наше время такое, М., изд. «Современник», 1973, с. 17, 36, 336, 43, 34—35, 43, 37, 38, 48, 463, 462—463, 254, 9, 178, 181, 232, 281.
2. Ковалев Д. По главной сути — «Октябрь», 1970, № 2, с. 213.
3. Любовцев В. «За красоту людей живущих, за красоту времен грядущих» — «Молодая гвардия», 1959, № 7, с. 228.
4. Любовцев В. Верность — «Литература и жизнь», 1961, 19 мая.
5. Федоров В. Размышляя о себе — «Октябрь», 1973, № 1, с. 208, 212, 207
6. Олеша Ю. Ни дня без строчки, М., изд. «Советская Россия», 1965, с. 209.
7. Золотцев Ст. Время выбора и борьбы — «Наш современник», 1978, № 1, с. 175, 177
8. Распутин В. Не мог проститься с Матерой — «Литературная газета», 1977, 16 марта.
9. Абрамов Ф. Выступление на VI съезде писателей СССР — «Литературная газета», 1976, 30 июня.
10. Федоров В. «Истин сверху не беру...» — «Литературная Россия», 1973, 2 ноября.
11. Годенко М. Умеющий любить — «Москва», 1970, № 9, с. 207
12. Лавлинский Л. «За красоту времен грядущих» — «Комсомольская правда», 1966, 21 июня.
13. Гусев В. За возвышенное в человеке — «Молодая гвардия», 1963, № 1, с. 291, 288.
14. Федоров В. Мой друг Жуан — «Литературная газета», 1978, 11 января.

15. Михайлов Ал. Пророчество марьевской Музы — «Знамя», 1967, № 1, с. 238.

16. Лавлинский Л. «Любовь, как жажда истины...» — «Дружба народов», 1968, № 4, с. 250, 251.

17. Федоров В. Наш Пушкин — «Литературная газета», 1974, 12 июня.

18. Викулов С. «О такой большой стране...» — «Октябрь», 1967, № 7, с. 210, 211.

19. Сучков Б. Зрелость — «Москва», 1962, № 3, с. 176.

20. Рясенцев Б. «Не левее сердца» — «Сибирские огни», 1962, № 4, с. 180.

21. Огнев В. Семь цветов в радуге — «Вопросы литературы», 1962, № 5, с. 13, 14.

22. Поперечный А. Лирика бойца — «Литература и жизнь», 1962, 2 февраля.

23. Бушин В. Тревожная Муза поэта — «Литературная газета», 1970, 18 марта.

24. Осетров Е. Стихи и годы — «Наш современник», 1964, № 12, с. 106.

25. Луначарский А. В. Статьи о советской литературе. М., «Просвещение», 1971, с. 450—451.

26. Федоров В. Выступление на IV съезде писателей РСФСР — «Литературная газета», 1975, 24 декабря.

27. Еремин В. Василий Федоров. М., «Советская Россия», 1969, с. 102—103.

20 коп.

